

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ ЕВСЕВИЯ ПАМФИЛА*

КНИГА СЕДЬМАЯ

1

Деций царствовал неполных два года. Сразу же, как только его вместе с сыновьями прирезали, ему наследовал Галл. Ориген скончался тогда же, не дожив до семидесяти лет одного года. Дионисий в своем письме к Ермаммону¹ так говорит о Галле:

«Галл, не поняв Дециевой вины и заранее не подумав над тем, что его погубило, споткнулся о тот же самый камень, лежавший перед глазами². Царствование его было благополучно, всё шло по его желанию, но он изгнал святых мужей, предстателей пред Богом о его мире и здравии. Вместе с ними изгнал он и молитвы о себе самом».

Вот что касается Галла.

2

В Риме преемником Корнилия, почти закончившего третий год своего епископства, стал Луций, несший свое служение неполных восемь месяцев; умирая, он передал его Стефану. Ему Дионисий написал свое первое послание о крещении; в то время поднят был немаловажный вопрос: следует ли людей, возвращающихся из любой ереси в Церковь, очищать «банею водной»? По обычаю, издревле сильному, на таких людей только возлагали с молитвою руки.

3

Киприан, пастырь Карфагенской епархии, первый из людей того времени решил, что следует принимать не иначе, как очистив сначала от заблуждений «банею водной». Стефан же, считавший, что не следует вводить ничего нового, нарушающего обычай, издревле укрепившийся, пришел в негодование.

4

Дионисий многократно писал ему по этому поводу и, наконец, сообщил, что гонение утихло и Церкву, повсюду отбравившиеся от Новатовых новшеств, обрели мир между собой. Пишет он так:

5

«Знай же теперь, брат, что все восточные и даже более дальние Церкви, раньше разделенные, теперь объединились; предстоятели их все и повсюду единодушно и несказанно радуются неожиданно наступившему миру: Димитриан — в Антиохии, Феоктист — в Кесарии, Мазабан — в

* Окончание. Начало в «Богословских трудах», сб. 23, с. 119—153; сб. 24, с. 97—138; сб. 25, с. 5—56.

Элии, Марин — в Тире (Александр скончался); Илиодор, ставший епископом в Лаодикии после кончины Филимидра, Елен — в Тарсе, все Церкви в Киликии, Фирмилиан и вся Каппадокия. Я назвал из епископов только наиболее известных, чтобы письмо не вышло слишком длинным и скучным. (2) Обе Сирии целиком и Аравия, которым вы во всех случаях приходили на помощь, Месопотамия, Понт, Вифиния — одним словом, все и повсюду славят Бога, радуясь единодушию и братской любви».

(3) Так пишет Дионисий.

Преемником Стефана, несшего свое служение два года, стал Ксист. Ему Дионисий написал второе письмо о крещении, изложив в нем мнения и решения Стефана и остальных епископов. О Стефане он говорит вот что:

(4) «Он писал и раньше относительно Елена, Фирмилиана и всех епископов Киликии, Каппадокии и, уж конечно, Галатии и всех сопредельных областей, что он не будет с ними в общении по той же самой причине, ибо, по его словам, они перекрещивают еретиков. (5) Посмотри, как важно это дело. На очень больших епископских Соборах, как мне известно, действительно принято было постановление: всех бывших еретиков сначала оглашать, а затем омыwać и очищать от грязи старой нечистой закваски».

(6) Затем он говорит:

«Возлюбленным нашим сопресвитерам, Дионисию и Филимону, которые раньше были согласны со Стефаном и писали мне по этому поводу, я ответил сначала кратко, а теперь обстоятельно».

Вот относительно данного вопроса³.

6

В том же письме он пишет о еретиках, последователях Савеллия; они в его время становились влиятельны. Вот что он говорит:

«Об учении, ныне появившемся в Птолемаиде в Пентаполе, нечестивом, исполненном хулы на Бога Отца Вседержителя и Господа нашего Иисуса Христа, совершенного неверия в Единородного Сына Его, рожденного прежде всей твари, Слова воплотившегося, и непонимания Духа Святого, у меня есть сведения, идущие с двух сторон: это — официальные документы и беседы с братьями. Я написал о нем, как мог, с Божией помощью, учительное послание, копию которого послал тебе».

7

В третьем письме о крещении, которое этот же Дионисий писал Филимону, пресвитеру в Риме, он сообщил следующее:

«Я ознакомился с сочинениями еретиков и преданиями их; какое-то краткое время осквернял свою душу их мерзостнейшими мыслями, но пользу получил: почувствовал к ним еще большее отвращение и опроверг их собственным своим умом. (2) Один из братьев-пресвитеров удерживал меня: он боялся, что, валяясь в их мерзостной трясине, я оскверню свою душу. Был он, как я понимал, прав; но меня укрепило посланное от Бога видение; (3) слово, обращенное ко мне, отчетливо повелевало: «Читай всё, что попадется тебе в руки: ты в состоянии всё обсудить и выправить — в этом и причина, почему ты сразу же обратился к вере». Я принял это видение, как согласное с апостольским словом, обращенным к людям более сильным: «Будьте менялами рассудительными»».

(4) Рассуждая затем вообще о всех ересях, он добавляет: «Это правило и этот образец я получил от блаженного папы⁴ нашего Иракла: он изгонял из Церкви бывших еретиков, от Церкви отделившихся, а еще более тех людей, которые от нее не отделялись, были, казалось, с ней вместе, но были уличены в посещении лжеучителей. Он не принимал их обратно, несмотря на их просьбы, пока они всенародно не излагали всего, что слышали от противников Церкви. Тогда он принимал их в общение и не требовал, чтобы они вторично крестились, ибо раньше они получили от него святое Таинство».

(5) Затем, после длительного рассуждения об этом предмете, он заключает: «Это вот я знаю: не сейчас и не только в Африке ввели этот обычай, но уже давно, при епископах, наших предшественниках, в самых многолюдных Церквях и на Соборах братьев в Иконии и Синнаде⁵, и по другим местам было так поставлено. Я не осмеливаюсь извращать их постановления и ввергать их в споры и состязания: «Не нарушай меж ближнего твоего, установленных твоими отцами»».

(6) Четвертое из его писем о крещении было написано в Рим Дионисию, удостоенному тогда священства и вскоре получившему епископский надзор над тамошними христианами. Это письмо свидетельствует, что Дионисий Александрийский говорил о нем как о человеке разумном и удивительном. Между прочим, он вспоминает о Новате и пишет ему о нем так:

8

«У нас есть основание ненавидеть Новатиана: он расколол Церковь и увлек некоторых братьев в нечестие и богохульство, ввел нечестивейшее учение, клеветнически объявив безжалостным милосерднейшего Господа нашего Иисуса Христа. А кроме того, он отверг святое Крещение; отбросил предшествующее ему, с верой произносимое исповедание и из признавших его полностью изгонял Духа Святого, если и была какая надежда на то, что Он пребывает в них или к ним вернется»⁶.

9

И пятое письмо было написано им Римскому епископу Ксисту; он много говорит в нем против еретиков и рассказывает о таком случае, при нем бывшем:

«Я, брат, действительно нуждаюсь в совете и спрашиваю твоего мнения. Такое тут произошло, что я боюсь, как бы мне не ошибиться (2) В обществе братьев был человек, которого считали давним христианином; он был среди братьев до моего посвящения и, думаю, даже до поставления блаженного Иракла. Как-то он оказался рядом с готовыми креститься, выслушал вопросы им и ответы их⁷, подошел ко мне, рыдая и оплакивая себя, упал мне в ноги и клятвенно объявил, что крещение, принятое им от еретиков, совсем иное, что с настоящим крещением оно не имеет ничего общего, ибо исполнено нечестия и хулы. (3) Он говорил, что вся душа его проникнута скорбью, что он не смеет поднять глаза к Богу, ибо начал он с кощунственных слов и обрядов; поэтому он просил очистить его очищением самым чистым, принять его и приобщить к благодати. (4) Я не отважился на это, сказав ему, что многолетнего общения с Церковью для этого достаточно: он слушал Евхаристию, вместе со всеми произносил «Аминь», подходил к престолу, протягивал руки для при-

нятия Святого Хлеба, получал его, в течение долгого времени приобщался Тела и Крови Господа нашего. Я не дерзаю начинать сначала. Я велел ему ободриться, с твердой верой и доброй надеждой приступить к Святыне. (5) Он плакал, не переставая, весь дрожа, подходил к престолу и, несмотря на приглашение, с трудом присутствовал на службе».

(6) Кроме вышеназванных, есть, говорят, у него еще письмо о крещении, написанное от имени управляемой им епархии Ксисту и Римской Церкви. В нем он длительно обсуждает данный вопрос, приводя подробные доказательства. Есть, говорят, еще и письмо о Лукиане⁸ к Дионисию в Рим.

Об этих письмах достаточно.

10

Галл и его окружение исчезли, не удержавшись у власти и двух полных лет. Власть принял Валериан вместе с сыном Галлиеном⁹. (2) Что об этом рассказывает Дионисий, можно узнать из его письма к Ермаммону. Пишет он так:

«Сходное было открыто Иоанну: «И даны были ему уста, говорящие высокомерно и кощунственно, и дана была ему власть на сорок два месяца». (3) Удивительны два облика Валериана, особенно если подумать, как все шло сначала, как он был кроток и расположен к людям Божиим. Так милостив и благожелателен к нам не был никто из императоров; даже те, о ком говорили, что они открыто стали христианами, не принимали нас с таким явным дружелюбием и любовью, как он в начале царствования. Весь дом его был полон благочестивых людей; это была Церковь Божия.

(4) Но его учитель, глава египетских магов, постепенно убедил его избавиться от них. Он посоветовал ему казнить чистых и благочестивых мужей и гнать, как врагов, тех, кто был помехой для его мерзких, отвратительных заклинаний (есть ведь и были люди, которые могли одним своим присутствием и взглядом, даже только вздохом и звуком своего голоса разрушать все козни демонов-губителей). Он предложил ему совершать нечистые посвящения, преступные колдовские обряды, богослужения, неугодные Богу, убедил губить несчастных детей, приносить в жертву младенцев несчастных родителей, рассматривать внутренности новорожденных, разрубать и разрывать создания Божии, будто бы ради собственного счастья».

(5) Затем он добавляет:

«Макриан в надежде на царскую власть поднес (демонам) щедрые дары. Раньше он именовался ведающим императорской казной¹⁰, но не было у него ни ведения, ни мысли об общем. Он подпал пророческому проклятию: «Горе пророчествующим от сердца своего и не видящим общего блага». (6) Он не имел понятия о Промысле, заботящемся обо всех, не боялся суда Того, Кто прежде всего, во всем и над всем. Потому и стал он врагом всеобщей Церкви, отчужденным от Божиего милосердия; он отогнал от себя как можно дальше собственное спасение, оправдывая таким образом свое имя»¹¹.

(7) Дальше, между прочим, он говорит:

«Валериан, доведенный до такого этим человеком, стал в надменности своей издеваться над людьми; как говорит Исаия, «они выбрали для себя мерзостные пути, которых желала душа их, и Я выберу на них поруганья

и воздам им за грехи их». (8) Макриан сильно желал царской власти, хотя был вовсе ее не достоин; он не мог облечься в царское убранство, будучи калекой, и выдвигал двух своих сыновей, перенявших отцовские грехи на себя. Явно сбылось на них предсказание Божие: «Взыщу грехи отцов с детей до третьего и четвертого поколения у ненавидящих Меня». (9) Собственные злые и неосуществленные желания свои он переложил на головы своих сыновей и в них запечатлел свою порочность и ненависть к Богу».

Вот что писал Дионисий о Валериане.

11

О том, что он вместе с другими претерпел за свою веру в Творца Вседержителя во время гонения, бушевавшего при этом императоре, рассказывает он, обращаясь к Герману, одному из епископов-современников, пытавшемуся его обесславить, в таких словах¹²:

(2) «Я боюсь действительно впасть в совершенное безумие и глупость, будучи вынужден рассказывать о дивном о нас смотреии Божием. Но так как «хорошо хранить тайну цареву и славно раскрывать дела Божии», то уступлю насилию Германа. (3) Я пришел к Эмилиану¹³ не один; меня сопровождали мой сопресвитер Максим и диаконы Фавст, Евсевий, Херимон; пришел с нами и один из римских братьев, тут находившихся¹⁴. (4) Эмилиан не обратился ко мне с предварительным «Не устраивай собраний»¹⁵, счел это лишним и устремился сразу к конечной, главной цели. Речь у него шла не о том, чтобы не устраивать собраний, а о том, чтобы нам самим не быть христианами. Он приказывал перестать быть ими и полагал, что, если я передумаю, то и другие последуют за мной. (5) Я ответил коротко и по существу: «Следует повиноваться Богу больше, чем людям» и прямо перед ним засвидетельствовал: «Чту Единого Сущего Бога и никого другого, не изменю своих мыслей и не перестану быть христианином». После этого он приказал нам отправляться в какую-то деревню поблизости от пустыни, именуемую Кефро¹⁶. (6) Выслушайте, однако, слова одного и другого, как они были записаны:

«Когда были приведены Дионисий, Фавст, Максим, Маркелл и Херимон, Эмилиан, исполняющий должность правителя, сказал: «Я разговаривал с вами устно о человеколюбии властелинов наших по отношению к вам; (7) они дают вам возможность спастись: обратитесь к тому, что согласно с природой, и почите богов, сохраняющих царство их; забудьте богов, противных природе. Что вы скажете на это? Я жду, что вы не ответите неблагодарностью на их человеколюбие: ведь они обращают вас к лучшему».

(8) Дионисий ответил: «Не всех богов чтут все: каждый чтит тех, кого признает Богом. Мы чтим Единого Бога, Творца всего, вручившего царство боголюбезнейшим августам Валериану и Галлиену, Ему поклоняемся и постоянно молимся, да пребывает их царство безмятежным».

(9) Эмилиан, исполняющий должность правителя, сказал им: «Кто же мешает вам чтить и Его, если это Бог, вместе с богами естественными? Вам приказано чтить богов, и именно тех, которых все знают». Дионисий ответил: «Мы никого другого не чтим».

(10) Эмилиан, исполняющий должность правителя, сказал им: «Я вижу, что вы неблагодарны и бесчувственны к милости наших августов. По-

этому вы не останетесь в этом городе, а будете высланы в Ливийские области, в место, именуемое Кефро: это место я выбрал по приказу наших августов. Никоим образом не будет разрешено ни вам, ни другим устраивать собрания и входить в так называемые «места упокоения». (11) Если кого-либо не окажется в том месте, какое я ему назначил, или его застигнут в каком-либо собрании, то он сам навлечет на себя беду: в надлежащем надзоре недостатка не будет. Ступайте, куда вам велено». Я чувствовал себя больным, но он не давал духа перевести и не позволял ни на день задержаться. Какой же был у меня тут досуг созывать собрания?»

Между прочим, говорит он следующее:

(12) «По милости Божией участвовал я и в собрании явном. С великим рвением объединил я находившихся в городе, словно лично был с ними: «отсутствуя телом, присутствовал духом». В Кефро вокруг нас собралась большая Церковь: были тут братья, последовавшие за нами из города¹⁷, были пришедшие из Египта. (13) И там «Господь отверз нам дверь слова». Сначала нас гнали и бросали в нас камнями, но затем немало язычников оставили идолов и обратились к Богу. Тогда впервые посеяно было слово: раньше они его не слышали. (14) И словно только для этого к ним и привел нас Господь: когда мы исполнили это служение, Господь опять вывел нас. Эмилиан пожелал переправить нас, по-видимому, в места более суровые, в самые отдаленные в Ливии: он велел стекаться отовсюду в Мареотиду, каждому определил здесь деревню, а нас поместил при дороге, чтобы схватить нас первыми. Он явно все устроил и подготовил так, чтобы, когда ему захочется, он легко мог бы всех за-брать».

(15) Когда я получил приказ отправиться в Кефро, я даже не знал, где может находиться это место, и вряд ли раньше слышал его название, но все-таки пошел спокойно и безбоязненно; когда же мне объявили приказ перебираться в пределы Коллуфия¹⁸, бывшие со мной знают, в каком состоянии я находился (тут я сам буду себе обвинитель). Сначала я был расстроен и очень раздражен: и знакомое, и привычнее стали нам эти места; в той же области, говорили, нет ни братьев, ни порядочных людей, докучают путешественники, нападают разбойники. (17) Нашлось, однако, и чем утешиться: братья напомнили мне, что там ближе к городу. В Кефро у нас были частые сношения с братьями из Египта, так что мы могли устраивать собрания более широкие, а там близок город, и я буду еще радоваться, видя воистину любимых, близких и дорогих людей. Они будут приходить и останавливаться у меня, и у нас будут частичные собрания, как в пригородных местах. Так и случилось».

(18) Между прочим, он пишет, что с ним случилось: «Герман хвалится многократными исповеданиями и много рассказывает о своих бедствиях. А может ли он перечислить, сколько раз нас вызывали в суд, забирали в казну наше имение, объявляли вне закона, продавали с аукциона имущество, лишали почетных званий? Может ли рассказать о нашем пренебрежении к мирской славе, презрении к похвалам и порицаниям от властителей и сенаторов, о стойком терпении, с каким мы переносим угрозы, враждебные крики, опасности, гонения, скитания, скорбь, всяческие утешения, вроде тех, которые выпали на мою долю при Деции и Сабине и продолжают доныне при Эмилиане? (19) Где находился тогда Герман? Что говорили о нем? Я по вине Германа попал в положение глупейшее,

почему и отказываюсь в подробностях рассказывать о том, что было: братья об этом знают».

(20) Он же в письме к Дометию и Дидиму¹⁹ опять вспоминает о случившемся гонении:

«Наших — их много, и вам они неизвестны — незачем перечислять по именам. Знайте только, что мужчины и женщины, юноши и старцы, девушки и старицы, воины и чины гражданские — люди всех сословий и всех возрастов победили в борьбе с бичами, огнем и железом и получили венец. (21) Некоторым же и очень долгого времени мало, чтобы явиться угодными Господу. Так, по-видимому, доныне обстоит дело и со мной, почему и дал Он мне отсрочку до удобного часа, Ему ведомого: «Я выслушал тебя в час благоприятный и в день спасения помог тебе».

(22) Так как вы спрашиваете и желаете, чтобы мы рассказали, как мы живем, то вы, по крайней мере, слышали, как нас — меня, Гаия, Фавста, Петра и Павла — в оковах вели центурион, офицеры и бывшие с ними воины и слуги, как подошли какие-то люди из Мареотиды и против нашей воли (мы не хотели идти с ними), силой повлекли нас — похитили²⁰. (23) А сейчас мы одни; я, Гаий и Петр вдали от братьев заключены в пустынном и мрачном месте Ливии, отстоящем от Паретония²¹ на три дня пути».

(24) Ниже он говорит:

«В городе притаились пресвитеры, тайно посещающие братьев: Максим, Диоскор, Димитрий и Луций. Фавстин и Акила, более известные в мире, скитаются по Египту. Скончавшихся от болезни²² пережили диаконы Фавст, Евсевий, Херимон. Евсевию Господь с самого начала послал сил и приготовил его мужественно служить исповедникам, находящимся в темнице, и погребать — с опасностью для себя — тела совершенных и блаженных мучеников. (25) До сих пор ведь правитель не перестает, как я уже сказал, обрекать приводимых к нему на жестокую смерть: одних терзают пытками, другие угасают в оковах и темницах. Приказано никому их не навещать, и он внимательно следит, не появится ли кто. И все же Господь посылает передышку страдальцам через братьев, которые настойчивы и усердны».

(26) Так пишет Дионисий. Следует заметить, что Евсевий, которого он называл диаконом, стал в скором времени епископом в Лаодикии Сирийской; Максим, о котором он говорит, что он был тогда пресвитером, стал преемником Дионисия в служении александрийским братьям; Фавст, вместе с ним тогда прославленный своим исповеданием, уцелел до нынешнего гонения; глубокий старец, насытившийся днями, он в наше время кончил жизнь мученичеством: ему отрубили голову. Вот что в те времена случилось с Дионисием.

12

В это Валерианово гонение три человека в Кесарии Палестинской прославились исповеданием Христа и украсились Божественным мученичеством — стали пищей зверям: одного из них звали Приск, другого — Малх, имя третьего было Александр. Они, говорят, жили в деревне и сначала сами обвиняли себя в нерадении и лени: сейчас как раз время, когда раздаются награды тем, кто пламенеет небесной любовью, а они пренебрегают ими и не стремятся восхитить венец мученический. Обсудив всё таким образом, они отправились в Кесарию, вместе пошли к судье и приняли

вышеупомянутую кончину. Кроме них, в это же гонение и в том же городе какая-то женщина, рассказывают, вступила в ту же борьбу. Ходит молва, что она принадлежала к ереси Маркиона.

13

В скором времени Валериан был обращен в рабство варварами²³; сын его, став единственным правителем, пользовался властью благоразумнее: он тотчас же своими указами прекратил гонение и велел предстоятелям веры свободно исполнять привычные обязанности. Рескрипт его составлен так:

«Самодержец, кесарь Публий Лициний Галлиен, благочестивый, счастливый, август — Дионисию, Пинне, Димитрию и прочим епископам. Я приказал распространить на весь мир щедроты моих благодеяний: да удалятся все из ваших богослужебных мест, дабы смогли вы поступать согласно моему рескрипту, не будучи ни от кого докучаемы. Все это в меру возможного может быть вами совершаемо, и давно уже дано на это мое согласие. Поэтому Аврелий Кириний, верховный прокуратор, заставит соблюдать мое распоряжение».

Да будет оно помещено здесь для большей ясности в переводе с латинского языка. Передают и другое распоряжение этого императора, обращенное к прочим епископам и разрешающее получить обратно так называемые «места упокоения»²⁴.

14

В это время Римской Церковью управлял еще Ксист; Антиохийской, после Фабия, — Димитриан, в Кесарии Каппадокийской правил Фирмилиан, в Церквах Понтийских — Григорий и его брат Афинодор, ученики Оригена. В Кесарии Палестинской по кончине Феоктиста получил епископство Домн, по его смерти, вскоре последовавшей, преемником его стал Феотеки, наш современник; он тоже был из училища Оригена. В Иерусалиме по упокоении Мазабана епископскую кафедру получил Именей, славный в течение многих лет, наш современник.

15

Во времена этих епископов²⁵, когда повсюду для Церквей наступил мир, в Кесарии Палестинской за свидетельство о Христе обезглавлен был Марин; он принадлежал к военной знати, был родовит и богат, а казнен вот по какой причине. (2) У римлян знаком отличия считается виноградная лоза, и получившие ее, говорят, становятся центурионами. Одно место центуриона было свободно, и в порядке продвижения по служебной лестнице Марина назначили на это место. Он уже собирался принять этот знак отличия, когда в суд пришел какой-то человек и заявил, что, по старым законам²⁶, Марин не может быть удостоен этого звания: он христианин и не приносит жертв императорам. Место центуриона принадлежит ему, обвинителю. (3) Судья (это был Ахей), взволнованный происшедшим, сначала спросил Марина, какой он веры; увидев, что тот тверд в своем исповедании, дал ему на размышление три часа. (4) Когда Марин вышел из суда, Феотеки, тамошний епископ, подошел к нему и увлек беседой; взяв за руку, ввел в церковь и поставил рядом с собой у алтаря; откинув полу его плаща, указал на висевший сбоку меч, одновременно подал ему Божественное Евангелие и предложил выбрать, что ему по душе.

Марин, не задумываясь, протянул правую руку и взял Божественное Писание. «Держись, держись Бога, — воскликнул Феотеки, — получи то, что выбрал и, укрепляемый Им, иди с миром». (5) Когда Марин вышел из церкви, глашатай уже громко вызывал его на суд, ибо окончился назначенный срок. Представ перед судьей, он явил еще большее усердие к вере; его тут же повели, в чем он был, на смерть и казнили.

16

Держится там память и об Астирии: вспоминают его дерзновенность, угодную Богу. Римский сенатор, любимец императоров, известный всем знатностью и богатством, он однажды присутствовал при кончине мученика. Он взвалил тело на спину (а был в сверкающей дорогой одежде), облек его в дорогой покров и похоронил в соответствующей гробнице. Много рассказывают о нем люди, его помнящие и дожившие до нашего времени, между прочим, и о таком чуде.

17

Около Кесарии Филипповой, которую финикияне называют Панаедай, показывают у подошвы горы Панейон источники, откуда берет начало Иордан; в эти воды в какой-то праздник бросают жертвенное животное, а демон силой своей делает его невидимым. Присутствующие провозглашают это удивительным чудом. Как-то Астирий оказался свидетелем всего происходящего; видя, как потрясена вся толпа, он сжалился над их заблуждением: возведя глаза к небу, он стал через Христа умолять Всевышнего изобличить демона-обольстителя и прекратить этот обман. Говорят, что, пока он молился, жертва всплыла наверх; чудо исчезло, и ничего диковинного в этом месте больше не происходило.

18

Так как я вспомнил об этом городе, то считаю неправильным пропустить рассказ, который стоит помнить и нашим потомкам. Говорили, что кровоточивая, о которой мы из Святого Евангелия знаем, что она нашла исцеление от своей болезни у Спасителя, была оттуда родом; в городе показывают ее дом; доселе есть дивный памятник благодеяния, оказанного ей Спасителем.

(2) На высоком камне у дверей ее дома стоит бронзовая женская статуя. Коленопреклоненная женщина протягивает руки вперед, как умоляющая; напротив нее — отлитая из того же материала фигура стоящего мужчины, красиво окутанного плащом и протягивающего руку женщине. У ног его, на самом пьедестале, растет какая-то неизвестная трава, достигающая до подола бронзового плаща: это — целебное лекарство от всех болезней. (3) Эта статуя, говорили, изображает Иисуса; она уцелела до сих пор; я, будучи в этом городе, видел ее собственными глазами. (4) Нет ничего удивительного в том, что в старину язычники, благодетельствованные Спасителем нашим, это делали. Я ведь рассказывал, что сохранились изображения Павла, Петра и Самого Христа, написанные красками на досках. Естественно, что древние привыкли, особенно не задумываясь, по языческому обычаю, чтить таким образом своих спасителей²⁷.

19

Кресло Иакова, первого принявшего от Спасителя и апостолов епископство в Иерусалимской Церкви и неизменно называемого в Священ-

ном Писании братом Господним, сохранилось до сих пор. Тамошние братья от поколения к поколению оберегают его, воочию показывая всем, какое почтение к святым мужам за их боголюбие хранили древние и хранят наши современники.

20

Дионисий, кроме указанных писем, составил тогда еще так называемые «пасхальные», до нас сохранившиеся; в возвышенных словах говорит он о празднике Пасхи. Одно из них послал он Флавию, другое — Дометию и Дидиму, в котором устанавливает правило на восемь лет и говорит, что Пасху следует праздновать не иначе, как после весеннего равноденствия²³. Кроме того, написал он еще письмо своим сопресвитерам в Александрии, а также письма разным лицам еще во время гонения.

21

Мирные времена еще не наступили, когда он вернулся в Александрию, которая опять была во власти войны и восстания²⁹; управлять всей своей городской паствой он не мог, потому что она разделилась на две партии. И вот, в самый праздник Пасхи он, находясь в самой Александрии, будто из-за границы, общается с александрийцами письменно. (2) Затем он написал Иераксу, епископу египтян, другое пасхальное письмо, в котором так рассказывает о восстании александрийцев, при нем происходившем:

«Что удивительного, если мне трудно общаться письменно с людьми, далеко живущими, когда стало невозможно побеседовать с самим собой и посоветоваться с собственной душой? (3) Мне нужно исписывать бумагу для собственной утробы, для братьев, вместе живущих и со мной единоклубных, для членов одной и той же Церкви. И пересылать эти письма, пожалуй, невозможно. Легче перебраться не то что через границу, легче пройти через всю землю от востока до запада, чем прийти из Александрии в Александрию. (4) Обширная и бездорожная была пустыня, по которой странствовали два поколения Израиля, но средняя улица города беспредельнее и непроходимее. Море перед ними расступилось и встало стенами, образовав проезд для колесниц, а египтян поглотило; подобием его стали тихие, невозмутимые гавани, часто напоминающие Красное море от убийств, там происходящих. (5) Река, пересекающая город, иногда кажется суше безводной, пересохшей пустыни, в которой странствующий Израиль так измучился жаждой, что Моисей воззвал к Богу, и Он, Единый творящий чудеса, послал им из крутой скалы потоки водные. (6) Иногда же эта река так полноводна, что заливают все окрестности, дороги и поля и грозит потопом, бывшим при Ное. Она течет всегда оскверненная кровью убитых и гибелью утопленных — так Моисей превратил воду для фараона в зловонную кровь.

(7) Какая же найдется вода, чтобы очистить воду, которой очищается всё? Сможет ли огромный, неизмеримый для людей океан покрыть своим приливом это горькое море и затем осушить его? Могла ли великая река, вытекающая из Эдема и своими четырьмя рукавами впадающая в единый поток Гиона, смывать эту скверну? Станет ли чистым воздух, загрязненный худыми испарениями, поднимающимися отовсюду? Пар от земли, ветры с моря, воздух от рек, туман над гаванями — все дышит зловонием, словно роса — это сукровица от трупов, разлагающихся на составные ча-

сти. (9) И еще удивляются и недоумевают, откуда непрекращающаяся зараза, откуда тяжкие болезни, откуда самые разнообразные уродства, откуда эта многообразная и большая смертность! Почему в огромном городе раньше было больше так называемых «зеленых стариков»³⁰, которых он кормил, чем сейчас всего населения, начиная от маленьких детей и до глубоких старцев? Людей от 40 до 70 лет было так много, что с их числом не может сравниться число людей от 14 до 80 лет, занесенных в особые списки и живущих на государственном довольствии³¹. Юные с виду кажутся давно состарившимися. (10) Никто не трепещет, видя, как человеческий род на земле уменьшается и слабеет, как всё ближе и ближе полное его исчезновение».

22

Войну сменила чума, а так как приближалась Пасха, то он опять письменно беседует с братьями и так говорит о страданиях от этого бедствия:

(2) «Другим людям нынешнее время не покажется подходящим для праздника, и не будет оно подходить ни для этого нашего праздника, ни для какого другого — и не только для людей в печали, но и для тех, кто, казалось бы, преисполнен ликования. Сейчас всюду похоронный плач, все горюют; город оглашают вопли по умершим и каждодневно умирающим. (3) Как написано было о первенцах египтян, так и теперь: «и поднялся вопль великий, ибо нет дома, где не было бы мертвеца» — хорошо, если не больше одного. А до этой беды случилось много страшного. (4) Сначала нас изгнали, но мы, одинокие, всеми преследуемые, всегда под угрозой смерти, и тогда справляли этот праздник. Место, где кто-то пострадал: деревня, пустыня, корабль, гостиница, тюрьма, — становилось для нас обителью праздника; самым сияющим был он для скончавшихся мучеников, участников пира небесного. (5) Затем пришли война и голод; мы переносили их вместе с язычниками, но еще и терпели их издевательства и не оставались безучастны к их поведению друг с другом и к их страданиям; мы радовались миру Христову, который Он дал нам одним. (6) После короткой передышки обрушилась на нас эта болезнь — для них самое страшное из всего страшного, из всех бед самая жестокая и, как говорит их собственный писатель, событие исключительное, какого никто не мог ожидать. Для нас оно таким не было; как и в других случаях, Господь нас испытывал и закалял. Болезнь не обходила и нас, но поражала больше язычников».

(7) Дальше он говорит так:

«Весьма многие из наших братьев по преизбытку милосердия и по братолюбию, не жалея себя, поддерживали друг друга, безбоязненно навещали больных, безотказно служили им, ухаживая за ними ради Христа, радостно умирали вместе; исполняясь чужого страдания, заражались от ближних и охотно брали на себя их страдания. Многие, ухаживая за больными и укрепляя других, скончались сами, приняв смерть вместо них. Народная поговорка, бывшая, казалось, только выражением благожелательности, осуществлена ими на деле: они были действительно людьми, уходившими из жизни, будто они сор перед другими. (8) Так уходили из жизни лучшие из братьев: священники, диаконы, миряне; их осыпали похвалами, ибо такая смерть, возможная только по великому благочестию и крепкой вере, считалась равной мученичеству. (9) Они принимали тела святых на распростертые руки и прижимали их к груди, отерев глаза и

закрыв рот, несли на своих плечах и не могли от них оторваться, обнимая; омыв, заворачивали в красивые покровы, а вскоре им уделяли те же заботы: оставшиеся в живых всегда следовали за теми, кто скончался до них.

(10) Язычники вели себя совсем по-другому: заболевавших выгоняли из дома, бросали самых близких, выкидывали на улицу полумертвых, оставляли трупы без погребения — боялись смерти, отклонить которую при всех ухищрениях было не легко»³².

(11) После этого письма, когда в городе все успокоилось, он еще написал пасхальное письмо братьям в Египте и писал еще и после. Говорят, что у него есть письма «О субботе» и «Об упражнении».

(12) Письменно общаясь с Ермаммоном и египетскими братьями, он много рассказывает о злобности Деция и его преемников, вспоминает и о мире при Галлиене.

23

Лучше всего послушать следующие слова его:

«Этот человек, предав одного из своих императоров и пойдя войной на другого, скоро был в корне истреблен вместе со всем своим родом. Галлиен всеми был принят и провозглашен императором, будучи одновременно и старым, и новым императором; он был прежде их и остался после них, (2) по реченному пророком Исаией: «Вот пришло то, что было в начале и теперь кажется новым»³³. Как облако, набежав на солнечные лучи, закрывает на короткое время солнце и занимает его место, затем проходит и рассеивается, и вновь появляется солнце, еще раньше взошедшее, так и Макриана, выдвинувшегося вперед и протянувшего руку к императорской власти Галлиена, больше нет, ибо он был ничто; Галлиен же есть то, чем он и был. (3) Царство, словно отряхнув старость и очистившись от прежнего зла, цветет в полной силе, издали видное и слышное, проникающее всюду».

(4) Дальше он определяет время, когда он это написал: «Мне опять пришло в голову пересмотреть дни царствований. Я вижу, что самые нечестивые императоры, как бы ни были они прославлены, скоро становились бесславны; этот же благочестивый, любящий Бога, император пережил свое семилетие; сейчас кончается девятый год, в который будем мы справлять праздник»³⁴.

24

Кроме всего этого, Дионисий составил две книги «Об обетованиях», направленных против Непота, египетского епископа, который учил, что обетования святым в Священном Писании следует толковать скорее на иудейский лад, и утверждал, что на земле наступит для людей некое тысячелетие телесных наслаждений³⁵. (2) Думая обосновать собственные мысли Откровением Иоанна, он написал книгу «Обличение любителей аллегорий»³⁶. (3) Против нее и восстает Дионисий в своих книгах «Об обетованиях». В первой книге он излагает свое мнение об этом учении, а во второй рассуждает об Откровении Иоанна. Упомянув вначале о Непоте, он так пишет о нем:

(4) «Они ссылаются³⁷ на произведения Непота и очень настаивают на его, как будто неопровержимых, доказательствах того, что на земле будет Царство Христово; я же во многом другом принимаю Непота и

люблю за его веру, трудолюбие, усердные занятия Писанием и составление многих духовных песней, и поныне доставляющих радость братьям. Я отношусь к этому человеку с большим уважением, тем более, что он уже скончался. Дороже, однако, и почтеннее всего истина. Следует хвалить Непота и полностью соглашаться с ним, когда он прав, но следует и разбирать, и исправлять в его писаниях нездоровые мысли. (5) Излагай он устно свое учение собеседнику — этого словесного общения было бы достаточно: вопросы и ответы убедили бы противника и заставили бы его согласиться. Написанное же произведение, по мнению некоторых, действует сильнее и убедительнее, и так как есть учителя³⁸, которые ни во что ставят Закон и Пророков, не думают следовать Евангелию, обесценивают апостольские Послания, а учение, изложенное в книге Непота, провозглашают великим и сокровенным таинством и нашим братьям, которые попросту, запрещают возноситься мыслью к великому — нечего думать ни о славном и воистину Божественном явлении Господа нашего, ни о нашем воскресении из мертвых, ни о соединении и нашем уподоблении Ему — и убеждают их рассчитывать в Царствии Божием на мелкое, тленное, то следует нам поговорить с братом Непотом, как будто он тут, перед нами».

(6) Между прочим, он добавляет:

«Был я в Арсинойском округе. Там, как ты знаешь, учение это уже давно набрало силы: целые Церкви откололись и отпали. Я созвал священников, местных учителей деревенских братьев и в присутствии братьев, пожелавших прийти, предложил всенародно разобрать это произведение. (7) Мне доставили книгу в расчете, что это — оружие и стена необоримая; я сидел с ними три дня подряд с восхода до заката и постарался вынести суждение об этом писании. (8) Я не мог нарадоваться, видя в братьях чувство меры, любовь к истине, понятливость и разумность. Я по порядку спокойно задавал вопросы, недоумевал или соглашался, ничего не подчеркивая, всячески воздерживаясь от сварливой критики однажды принятого, хотя бы оно и казалось неверным; я не уклонялся от возражений, но старался, насколько возможно, овладеть предложенным материалом и стать тут хозяином; я не стыдился, по требованию разума, изменять свои мысли и соглашаться, но добросовестно, не притворяясь, в простоте сердца, устремленного к Богу, принимал указания и доводы Священного Писания. (9) В конце концов глава и толкователь этого учения, по имени Коракион³⁹, перед всеми братьями во всеуслышание согласился со мною и засвидетельствовал мне, что впредь он не будет держаться этого учения, рассуждать и вспоминать о нем или учить ему, ибо он целиком побежден доводами противной стороны. Что касается остальных братьев, то они радовались этому собеседованию и общему миру и согласию».

25

Дальше, непосредственно за этим, Дионисий говорит об Откровении Иоанна следующее:

«Были и до нас люди, совершенно отвергавшие эту книгу; пересматривая главу за главой, указывая на ее непонятность и бессвязность, они объявили ее подложной. (2) Они говорят, что она не принадлежит Иоанну, что под густым слоем невежества тут нет никакого откровения, что автор этой книги не был не только апостолом, но вообще не принадлежал к святым и к членам Церкви и что в ней облагородить свои вымыслы именем, заслуживающим доверия, пожелал Керинф⁴⁰, основатель ереси,

по нем названной. (3) Вот учение, им проповедуемое: Царство Христа будет земным, и там будет всё, к чему стремился и о чем мечтал он сам, человек очень чувственный, очень плотский: чрево и животные побуждения будут полностью удовлетворены едой, питьем, брачными союзами, а также тем, чем он рассчитывал это облагодетельствовать,— празднествами и жертвоприношениями. (4) Я не осмелен был отвергнуть эту книгу: многие братья ею увлекаются; я считаю, что она превосходит мое разумение, и предполагаю, что каждый ее предмет заключает в себе таинственный и дивный смысл. Я его не понимаю, но думаю, что в этих словах заложен смысл более глубокий. (5) Я не меряю его по собственному разумению и не сужу о нем, но, полагаясь больше на веру, думаю, что тут есть мысли, по своей высоте мне не доступные; я не отвергаю того, что не могу охватить своим умом, а удивляюсь тем больше, что этого не видел». (6) Затем Дионисий, исследовав все Откровение и указав, что невозможно понимать его в прямом смысле, говорит:

«Окончив свое, так сказать, пророчество, пророк объявляет блаженными тех, кто хранит это пророчество и помнит его самого: «Блажен, кто соблюдает пророческие слова этой книги; я, Иоанн, видел и слышал это». (7) Что он зовется Иоанном и что книга эта написана Иоанном, я не спорю, как не спорю, что это человек святой и вдохновленный Богом, но мне трудно согласиться, что это апостол, сын Зеведеев и брат Иакова, написавший Евангелие от Иоанна и Соборное Послание. (8) Меня приводят к этому заключению и весь характер изложения у обоих писателей, и выбор слов, и построение данной книги. Евангелист нигде — ни в Евангелии, ни в Послании — не пишет своего имени и ничем о себе не заявляет».

(9) Несколько ниже он говорит:

«Иоанн нигде не говорит о себе ни в первом лице, ни в третьем. Автор же Апокалипсиса сразу, в самом начале, выдвигает себя вперед: «Откровение Иисуса Христа, которое Он дал, чтобы показать рабам Своим вскоре. И Он показал, послав через ангела Своего рабу Своему Иоанну, который свидетельствовал слово Божие и свидетельство Его и что он видел». (10) Дальше он пишет письмо: «Иоанн семи Церквям в Азии: благодать и мир с вами». Евангелист же не поставил своего имени во главе Соборного Послания, но начал, избегая всего лишнего, прямо с Божественного откровения тайны: «О том, что было от начала, что мы слышали и видели очами своими». За такое откровение и Господь объявил блаженным Петра: «Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой Небесный». (11) Ни во втором, ни в третьем Посланиях, которые считают Иоанновыми, хотя они и кратки, Иоанн не называет себя по имени, а пишет как о безымянном: «старец». Этот же счел недостаточным, однажды назвавшись, приняться за рассказ, а начал вновь: «Я, Иоанн, брат ваш, соучастник в скорби, в Царствии и в терпении Иисуса, был на острове Патмосе за слово Божие и за свидетельство Иисуса» и под конец добавляет: «Блажен соблюдающий слова пророчества этой книги и я, Иоанн, видевший и слышавший это».

(12) Следует верить словам Иоанна, что написал это именно он. Но кто он, это не ясно. Он не сказал, что он тот самый, который, как это неоднократно упоминается в Евангелии, был любимым учеником Господа и возлежал у Него на груди, что он брат Иакова, что он сам видел и слышал Господа. (13) Если бы он хотел точно указать, кто он, он со-

слагся бы на что-нибудь из вышесказанного. Ничего подобного нет: он называет себя нашим братом и соучастником, свидетелем Иисусовым и блаженным, ибо видел и слышал откровение.

(14) Я думаю, что у апостола Иоанна много тезок. Любовь к нему, восхищение им, желание быть таким же возлюбленным от Господа — все это делало его имя дорогим: так в семьях верующих часто называют мальчиков именем Петра или Павла. (15) В Деяниях есть и другой Иоанн, прозванный Марком, которого Павел и Варнава взяли с собой и о котором сказано: «Был у них прислужником и Иоанн». Он ли написал это Откровение? — Вряд ли. И того ведь не написано, что он отправился вместе с ними в Асию, а только сказано: «Отплыв из Пафоса, Павел и его спутники прибыли в Пергию Памфилийскую; Иоанн же отделился от них и вернулся в Иерусалим». (16) Я думаю, что автором был кто-то другой, тем более, что в Ефесе, говорят, есть две гробницы и каждая называется Иоанновой.

(17) Судя по мыслям, подбору слов и построению предложений, догадываешься, что автор Откровения и евангелист Иоанн — разные лица. (18) Евангелие и Послание согласуются между собой и даже начинаются одинаково: в одном: «В начале было Слово», в другом: «...Он, Который был в начале»; в одном: «И Слово стало плотью и обитало с нами, и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца», в другом — то же самое с незначительными изменениями: «Что мы слышали, что видели глазами своими, что рассматривали и что осязали руки наши — о Слове жизни, ибо жизнь явилась». (19) Так начинает он, решив опровергнуть, как тут же выясняется, тех, кто утверждает, будто Господь пришел не во плоти. Поэтому он осмотрительно и добавляет: «О том, что мы видели, свидетельствуем и возвещаем вам об этой вечной жизни, которая была у Отца и явилась нам. О том, что мы видели и слышали, и возвещаем вам». (20) Он последователен и не уклоняется от поставленной цели, развивает свою мысль, настаивая на тех же основных мыслях, пользуясь теми же словами; некоторые из них мы вкратце упомянем. (21) Внимательный читатель найдет, что в обоих произведениях многократно упоминаются: жизнь, свет, отгоняющий мрак; и постоянно: истина, благодать, радость, Тело и Кровь Господа, суд, отпущение грехов; любовь Божия к нам; заповедь о взаимной любви; о том, что надлежит соблюдать все заповеди; избличение мира, дьявола, антихриста; обещание Духа Святого, богосыновство; неизменное требование веры, везде — Отец и Сын. Отмечая всюду отличительные черты, видишь, что Евангелие и Послание имеют один и тот же образ речи.

(22) Апокалипсис и эти книги несовместимы: между ними никакой связи, никакой близости, нет, как говорится, общей буквы. (23) Послание ничего не знает об Апокалипсисе. (Оставим в стороне Евангелие.) Апокалипсис не упоминает Послания и не имеет мысли о нем, хотя Павел в Посланиях и открыл кое-что из откровений, ему бывших, о которых особо он не писал.

(24) Можно отметить также разницу между стилем Евангелия и Послания и стилем Апокалипсиса. (25). В первых — безупречный греческий язык, они красноречивы, убедительны в рассуждениях, хорошо построены; в них не найдешь ни иностранного слова, ни ошибок в языке, ни новых придуманных слов; видно, что Господь одарил их автора двойным даром: даром знания и даром слова.

(26) Что автору Откровения даны были и ведение, и знания, и дар пророчества, я не спорю, но вижу, что пишет он по-гречески неправильно, пользуется иностранными словами и делает ошибки в языке. Составлять их список необходимости нет⁴¹.

(27) Я говорю все это не в насмешку (да никто так не подумает), но для того, чтобы ясно показать разницу этих произведений».

26

Дионисию приписывают еще много других писем, например, к Аммону, епископу Церкви в Веренике⁴², против Савеллия, к Телесфору, к Евфранору и опять к Аммону и Эвпору. По тому же самому вопросу составил он еще четыре произведения, обращенных к своему тезке — Дионисию Римскому. (2) Кроме этого, есть у нас много и других его писем, а также длинные рассуждения в форме писем: «О природе»⁴³, посвященное Тимофею, называемому сыном, и «Об искушениях»⁴⁴ — Евфранору. (3) Писал он еще Василиду, епископу в Пентаполе, и сообщал, что написал толкование на начало Екклесиаста; оставил нам еще разные письма. Вот сколько написал Дионисий. После рассказа об этих людях и событиях поведаем нашим потомкам, каким было наше поколение.

27

Преемником Ксиста, одиннадцать лет управлявшего Римской Церковью, стал Дионисий — тезка епископа Александрийского. В это же время преставился Димитриан, епископ Антиохийский⁴⁵, и епископство получил Павел Самосатский⁴⁶. (2) Мысли его о Христе ползали по земле и не могли над ней подняться; вопреки учению Церкви, он считал Его обыкновенным человеком. Дионисий Александрийский, приглашенный на Собор, отказался приехать, ссылаясь на свою старческую немощность, но представил в письме свое мнение по данному вопросу. Остальные церковные пастыри собрались отовсюду на борьбу с цепом, поражающим Христово стадо. Все поспешили в Антиохию.

28

Среди них наиболее известными были: Фирмилиан, епископ Кесарии Каппадокийской, братья Григорий и Афинодор, пастыри Церквей на Понте, затем Елен из Тарса, Никомас из Иконии; Именей, епископ Иерусалимский; епископ соседней Кесарии Феотекн; кроме них, Максим, прекрасно руководивший братьями в Бостре, и множество других, пересчитать которых — они собрались вместе с своими священниками и диаконами в упомянутом городе — не составило бы труда. Самыми знаменитыми были названные⁴⁷.

(2) Все они в разное время, но часто собирались по одному и тому же делу; каждое собрание волновали те же вопросы и мысли. Сторонники Самосатца старались скрыть и утаить его неправоверие; противники старательно изобличали и воочию показывали его ересь и хулу на Христа.

(3) В это время, на двенадцатом году царствования Галлиена⁴⁸, скончался Дионисий; Александрийской Церковью он управлял семнадцать лет; преемником его стал Максим.

(4) Галлиен был у власти полных пятнадцать лет; преемником его стал Клавдий⁴⁹. Через два года он оставил власть Аврелиану.

29

В это время на последний Собор⁵⁰ собралось самое большое число епископов; глава антиохийской ереси был совершенно обнаружен, изобличен в неправоверии и отлучен от вселенской поднебесной Церкви.

(2) Лучше всех доказывал свою правоту и уличал изворачивавшегося Павла Малхион, человек вообще красноречивый, глава антиохийских эллинистических школ, где преподавали риторику. За чистоту своей безграничной веры в Христа он был удостоен священства в тамошней епархии. Он вступил с Павлом в спор, который записывали скорописцы, и, как мы знаем, запись эта дошла до нас. Малхион один смог уловить этого человека, лживого притворщика.

30

Пастыри, собравшиеся вместе, написав с общего согласия послание Римскому епископу Дионисию и Максиму, епископу Александрийскому, разослали его копии по всем епархиям: перед всеми обнаружили и свою ревность и превратную веру Павла, опять подняли вопросы, ему предложенные, обличили его, рассказали о всей его жизни и его характере. Уместно привести тут ради лучшего запоминания их собственные слова:

(2) «Дионисию, Максиму, всем сослужителям нашим на этой земле, епископам, священникам, диаконам и всей вселенской, на земле существующей Церкви — мы, Елен, Именей, Феофил, Феотекн, Максим, Прокл, Никомас, Элиан, Павел, Волан, Протеген, Иеракс, Евтихий, Феодор, Малхион, Лукий⁵¹ и все остальные епископы, священники и диаконы, проживающие в соседних городах и у соседних племен, и Церкви Божии посылаем вам, возлюбленным братьям, привет о Господе».

(3) Несколько ниже они добавляют:

«Мы одновременно писали многим и даже далеко живущим епископам, например, блаженным Дионисию Александрийскому и Фирмилиану Каппадокийскому, уговаривая их лечить от этого смертного учения. Из них один написал в Антиохию, не удостоив главу заблуждения даже приветствия и обращаясь не к нему лично, а ко всей христианской общине. Копию этого послания мы приложили. (4) Фирмилиан же, приезжавший дважды, осудил новшества Павла, о чем знаем и о чем свидетельствуем мы, тут присутствовавшие; знают об этом и многие другие. Когда Павел заявил, что он изменил свой образ мыслей, Фирмилиан, поверив ему и надеясь все уладить, как следует, без всякого ущерба для веры, отложил приговор; обманул его тот, кто отрекся от своего Бога и Владыки и не сохранил своей прежней веры. (5) Фирмилиан, получив доказательство этого злобного богоотступничества, собрался в Антиохию и доехал до Тарса, но когда мы собрались, приглашали и ожидали его, он, не доехав до нас, скончался».

(6) Дальше, между прочим, они так описывают образ его жизни: «Так как он отошел от правил веры и принял учение ложное и незаконное, то нечего и судить о делах человека, который вне Церкви, (7) например, о том, что был он бедняком, нищим, не получил от родителей никаких средств к жизни, не был обучен никакому ремеслу и вообще ничему полезному, а теперь сделался безмерно богат посредством беззаконий и святотатства, выпрашивания у братьев и застрашивания их. Он обманывает потерпевших несправедливостью, обещает помочь за день-

ги и, обойдя их, легко наживается на готовности людей, запутавшихся в делах, дать что-нибудь, лишь бы избавиться от тех, кто не дает покоя. Веру он считает средством для наживы. (8) Он высокомерен и горделив, получает мирские звания и предпочитает называться не епископом, а дученарием⁵², красуется на площадях, на ходу читает письма и тут же отвечает на них на виду у всех; его окружает множество телохранителей — одни впереди, другие сзади, так что эта пышность и презрение к окружающим делают веру ненавистной. (9) Церковные собрания он превратил в диковинные представления; гоняясь за славой, поражал воображение и потрясал чистые души подобными выдумками. Престол и кафедру он приготовил себе высокие, не подобающие ученику Христову. У него, как у мирских начальников, есть отдельная комната, которая так и называется «отдельной». Он хлопает рукой по бедру, топает ногами на кафедре; тех, кто не восхваляет его, не машет, как в театрах, платками, не восклицает, не вскакивает и не слушает беспорядочно, как окружающие его приспешники — мужчины и женщины, а слушает, как и положено в храме Божиим, благолепно и благообразно, он наказывает и оскорбляет. Об отшедших от этой жизни толкователях слова Божия он говорил в собраниях грубо и непристойно и в то же время превозносил себя — вел себя не как епископ, а как софист и шарлатан. (10) Он запретил употреблять песнопения в честь Господа нашего Иисуса Христа под тем предлогом, что это — нововведение и писаны современными людьми; подготовил женский хор, который в великий праздник Пасхи посередине церкви пел гимны в его честь; людей пробирала дрожь от этого пения. Епископам и священникам соседних деревень и городов, если они льстят ему в своих проповедях, он позволяет обращаться к народу.

(11) Он не желает исповедовать с нами, что Сын Божий сошел с неба (предварим этим сообщением дальнейшее; это не останется голословным утверждением, а будет всячески доказано документами⁵³, которые вам посылаем, особенно же тем, где он говорит о земном происхождении Иисуса Христа); воспевающие в честь его гимны и восхваляющие его в народе говорят, что этот нечестивый учитель есть ангел, сошедший с неба, и он, присутствуя при таких разговорах, по гордыне своей, не запрещает их.

(12) Что касается женщин, его «духовных дочерей», как их называют в Антиохии, «дочерей» священников и диаконов, его окружающих, он вместе с ними скрывает и этот и другие смертные грехи, хотя прекрасно знает о них. Ему нужно иметь в полной зависимости людей, которые, боясь за себя, не осмелились бы вступить за тех, кого он обижал словом и делом; он даже обогащал их, и люди, которые гонятся за такими благами, любили его и восхищались им. Зачем мы пишем об этом? (13) Мы знаем, возлюбленные, что епископ и все духовенство должны подавать народу пример в делах добрых, и прекрасно знаем также, сколько духовных лиц пало потому, что вводили к себе в дом женщин. Другие остались под подозрением; пусть ничего грязного и нет, но следует остерегаться и не подавать повода к сомнению, которое тут может зародиться: да не введем никого в соблазн и да отвратим от подражания этому. (14) Может ли бранить или убеждать кого-то не жить больше с женщиной, остерегаясь падения, человек, который, хотя и отпустил одну женщину, но держит у себя дома двух цветущих красавиц, берет их с собой, куда бы ни отправлялся, и роскошествует до пресыщения? (15) Поэтому все

стенают и оплакивают себя, но до такой степени боятся его власти и тирании, что обвинять его не осмеливаются.

(16) Исправить, как мы и говорили, можно было бы человека православно мыслящего, к нам сопричисленного, но от осмеявшего Таинства, от похваляющегося гнусной ересью Артемона⁵⁴ (почему не назвать отца его?) нечего, думаем, и требовать отчета в его действиях».

(17) Письмо они заключают таким образом:

«Мы вынуждены были отлучить этого богоборца, хотя он и противился, и поставить вместо него другого епископа — верим, что по Божию Промыслу, — Домна⁵⁵, сына блаженного Димитриана, славного до него управлявшего той же епархией. Домна украшает все качества, приличествующие епископу; пишите ему и обменивайтесь с ним посланиями. А тот пусть пишет Артемону, и пусть с ним общаются единомышленники Артемона».

(18) Павел лишился епископства и отпал от правой веры; Домн, как сказано, принял управление Антиохийской Церковью. (19) Павел вовсе не желал уходить из церковного дома; император Аврелиан, к которому обратились за помощью, принял самое правильное решение: распорядился предоставить дом тем, с кем по вопросам веры переписывались италийские и римские епископы. Таким образом, упомянутый муж был с великим стыдом изгнан мирской властью из Церкви.

(20) Так относился к нам тогда Аврелиан, но в дальнейшем свое царствование он изменился в мыслях: замыслил, по чьим-то советам, гонение на нас; об этом у всех было много разговоров. (21) Он собирался уже начать его и только еще не подписал указов против нас, как его поразила суд Божий: он был словно схвачен за руку и остановлен в своем намерении. И всем отчетливо и ясно дано было увидеть, что нападать на Церковь Христову никогда не будет для земных владык делом легким, кроме тех случаев, когда рука Божия, нас охраняющая, и суд небесный разрешат это нападение в тот час, когда Господь сочтет это нужным, чтобы нас исправить и научить.

(22) После шестилетнего царствования Аврелиана на престол вступил Проб, правивший приблизительно столько же лет; его сменил Кар с сыновьями Каринном и Нумерианом; они оставались у власти неполных три года; она перешла к Диоклитиану и его соправителям. При них совершилось современное нам гонение, когда разрушаемы были и церкви. (23) Незадолго до этого Римского епископа Дионисия, после девятилетнего управления Церковью, сменил Феликс.

31

В это время безумец Манес, давший свое имя демонской ереси, собирался торжествовать победу над разумом. Демон, сам сатана, восставший на Бога, выдвинул этого человека на погибель многих. Варвар по языку и нраву, он имел в природе своей нечто демоническое и безумное. Действия его соответствовали этим качествам; он пытался представить себя Христом; ослепленный гордостью, объявлял себя то утешителем и Самим Духом Святым, то Христом; нашел двенадцать учеников, последователей его нового учения. (2) Лживое и богохульное учение свое он составил из множества богохульных, давно исчезнувших ересей, привез его из Персии и разлил этот смертельный яд по нашей земле. От него нечестивое имя манихеев и доныне удержалось за многими. Та-

кова сущность этого лжеименного знания, появившегося в то время, о котором мы говорим⁵⁶.

32

Преемником Феликса, пять лет управлявшего Римской Церковью, стал Евтихиан. Он не прожил и десяти полных месяцев и оставил свое место Гаю, нашему современнику. Он управлял Церковью около пятнадцати лет; преемником его стал Марцеллин — тот самый, которого постигло гонение.

(2) В это время епископство в Антиохии после Домна получил Тимей; преемником его стал наш современник Кирилл. В это же время жил и Дорофей (мы его знали), удостоенный в Антиохии священнического сана, муж красноречивый и полюбивший красоту богословия; он занялся изучением еврейского языка, чтобы читать Священное Писание по-еврейски со знанием дела. (3) Не был он чужд и эллинского образования и его «свободных искусств»; скопец по природе от самого рождения своего, он, по причине этой удивительной особенности, заслужил доверие императора и был назначен смотрителем пурпурных красил в Тире. (4) Я слышал, как умело объяснял он в Церкви Писание. После Кирилла управление Антиохийской епархией получил Тиранн, при нем разрушение церквей особенно усилилось.

(5) Лаодикийской епархией управлял после Сократа Евсевий, уроженец Александрии. Причиной его переселения было дело Павла, по которому Евсевий и отправился в Сирию; тамошние ревнители благочестия удержали его от возвращения домой. Для моих современников он был дорог как образец благочестивого человека; это легко увидеть в приведенных выше словах Дионисия.

(6) Преемником его был Анатолий — «хороший к хорошему», по словице. Он был тоже александриец родом, за свое красноречие и знание греческой философии слыл первым среди наиболее известных современников наших, ибо в совершенстве изучил арифметику, геометрию, астрономию, а также другие науки: диалектику, физику, риторику. Поэтому, говорят, александрийцы сочли, что он может открыть в Александрии школу Аристотелевых последователей⁵⁷.

(7) Вспоминают о множестве его подвигов в Александрии во время осады Брухия, когда из магистратов он был всеми почтен председательством. Примера ради я вспомню только об одном его деле. (8) У осажденных не хватило пшеницы; голод был страшнее врага, находившегося за стенами, и человек, о котором идет речь, все устроил таким образом: одна часть горожан сражалась вместе с римским войском и, следовательно, осаждена не была. Евсевий (он находился еще там до своего переселения в Сирию) был среди этих последних и во всем лагере, вплоть до римского военачальника, был известен и пользовался доброй славой; Анатолий послал к нему известие об осажденных и страдающих от голода. (9) Евсевий, узнав об этом, выпрашивает у римского военачальника, как величайшей милости, обещание оставить в живых перебежчиков и сообщает об этом Анатолию. Анатолий, получив эти сведения, созывает александрийский Совет и прежде всего предлагает протянуть римлянам дружескую руку; видя, что от его слов они пришли в неистовство, он говорит: «Думаю, вы не будете противоречить мне, если я посоветую вам разрешить выйти из города всем лишним и совершенно для вас бес-

полезным людям: старухам, детям, старикам — пусть идут куда хотят. Зачем понапрасну держать при себе этих почти уже мертвецов? Зачем изводим мы голодом больных и увечных, когда кормить нужно только мужчин и юношей и беречь пшеницу для тех, кто необходим для охраны города?»

(10) Такими рассуждениями он убедил Совет и, встав, первый внес предложение: выпустить из города всех — мужчин ли, женщин ли, кто не нужен войску, ибо если они останутся и будут жить в городе, не принося ему никакой пользы, то надежды на спасение им нет: они погибнут от голода. (11) Все остальные члены Совета подали голос за это же предложение, и Анатолий спас почти всех осажденных: позаботился прежде всего о принадлежащих к Церкви, а затем и о людях всякого возраста, бывших в городе, а не только о тех, кто был назван декретом. Под видом их множество людей, переодетых благодаря его заботливости в женскую одежду, вышло из города и устремилось к римскому войску, где всех принимал Евсевий и, как отец и врач, лечением и заботой восстанавливал силы измученных длительной осадой.

(12) Таких-то двух пастырей, непосредственно следовавших один за другим, удостоилась Церковь в Лаодикии. После только что упомянутой войны они, по Божьему Промыслу, переселились туда из Александрии.

(13) Анатолий написал очень много; до нас дошло достаточно, чтобы судить о его красноречии и обширных знаниях. Особенно важны его мнения о праздновании Пасхи; необходимо, пожалуй, тут же их напомнить:

Из Анатолиевых правил о Пасхе.

(14) «В первом году новолуние первого месяца, являющееся началом девятнадцатилетнего периода, приходится для египтян на 26-е число месяца Фаменота, для македонян — на 22-е число месяца Дистра, или, как сказали бы римляне, на 11-е число до апрельских календ. (15) 26-го числа упомянутого месяца Фаменота солнце не только вступает в первое созвездие, но идет по нему уже четвертый день. Это созвездие (Овен) обычно называют первым из двенадцати, равноденственным, началом года, исходной точкой движения планет; предшествующее же ему — последним месяцем, двенадцатым созвездием, последней, двенадцатой частью, концом года. Поэтому мы утверждаем, что весьма ошибаются те, кто относят к нему первый месяц и назначают 14-е число его для праздника Пасхи.

(16) Этот расчет принадлежит не нам: иудеи знали его давно, еще до Христа, и весьма с ним считались. Это видно из слов Филона, Иосифа, Мусея, и не только их, но и более старых писателей: двух Агатовулов, прозванных учителями, славного Аристовула, который был в числе переводивших для Птолемея Филадельфа и его отца священные книги евреев и посвятил этим царям свои книги толкований Моисеева Закона.

(17) Эти писатели, разрешая вопросы, касающиеся Исхода, говорят, что равным образом все должны приносить пасхальные жертвы после весеннего равноденствия, в середине первого месяца, т. е. когда солнце проходит первую часть эклиптики, или, как некоторые называют, зодиака. Аристовул добавляет, что для праздника пасхальных жертв необходимо, чтобы не только солнце, но и луна проходила через равноденственный знак. (18) А так как есть два равноденственных знака, противоположных один другому, — весенний и осенний, а пасхальные жертвы приносят-

ся вечером 14-го числа, то луна окажется диаметрально противоположной солнцу, как это можно видеть в дни полнолуния; солнце будет в знаке весеннего равноденствия, а луна, естественно, в знаке осеннего равноденствия. (19) Я знаю, что ими сказано еще много другого; кое-что только вероятно, другое подтверждено вескими доказательствами, с помощью которых они стараются убедить, что праздник Пасхи и опресноков необходимо справлять вообще после равноденствия. Я оставляю в стороне предмет этих доказательств и прошу тех, для кого покров с Закона Моисеева снят, всегда взирать открыто на лик Христа, на Его учение и страдания. Что первый месяц бывает у евреев около равноденствия, об этом говорится и в книге Еноха».

(20) Анатолий оставил целых десять книг «Введения в арифметику», а также и другие произведения, свидетельствующие о его занятиях Священным Писанием и большой в нем осведомленности.

(21) Его рукоположил Феотекн, первый епископ Кесарии Палестинской, предназначая его преемником для своей епархии; в течение короткого времени они оба управляли этой Церковью, но когда Собор пригласил Анатолия в Антиохию по делу Павла и он проезжал через Лаодикию, тамошние братья удержали его у себя; Евсевия уже не было в живых.

(22) После преставления Анатолия последним епископом тамошней епархии перед гонением был Стефан, восхищавший многих своими познаниями в философии и других эллинских науках⁵⁸. Вопросы веры интересовали его меньше. Разраставшееся гонение обнаружило в нем скорее лицемера и труса, чем истинного, мужественного философа. (23) Церковь от этого не погибла; положение ее выправилось волею Господа, Спасителя всех, как только епископом этой епархии был назначен Феодот, на деле оправдавший и свое имя и свое епископство⁵⁹. Он слыл первым в искусстве врачевания тела, но никто не мог сравниться с ним и в заботе о душе; он любил людей, искренне им сочувствовал, ревностно оказывал помощь нуждавшимся в ней; очень был сведущ и в науках богословских.

(24) Таков был Феодот. В Кесарии Палестинской преемником Феотекна, ревностно исполнявшего свои епископские обязанности, был Агапий. Мы знаем, как он потрудился, искренне заботясь об управлении народом, и щедро помогал всем, особенно беднякам.

(25) В то же время я познакомился с Памфилом⁶⁰, человеком весьма уважаемым, истинным философом по своей жизни; в здешней епархии его удостоили священнического сана. Кто он был? Откуда родом? Ответить на это трудно, но о его жизни во всех ее подробностях, о школе, им основанной, о борьбе, выдержанной им при исповеданиях во время гонения, и о его мученическом венце я рассказал в особом сочинении, о нем написанном. (26) Он был один из замечательнейших людей нашего города; я знаю, что среди моих современников были люди редкие. например, Пиерий, один из александрийских священников, Мелетий, епископ понтийских церквей. (27) Первый прославился своей нестяжательностью и своими философскими познаниями, размышлениями о делах Божиих, толкованием их и превосходными проповедями в Церкви на эту тему. О Мелетин⁶¹ (люди образованные называют его «аттическим медом») можно было бы написать, что в своих речах он достиг совершенства. Невозможно по достоинству оценить силу его риторики. Кто-ни-

будь скажет: это даровано ему от природы, но кто превзошел его богатством опыта и обширностью познаний? Во всем, что требует рассуждения и красноречия, он был самым искусным и одаренным: только испытай его, и ты скажешь: благородство его жизни соответствовало остальному. Я знаю, что во время гонения он целых семь лет скитался по Палестине. (29) Управление Иерусалимской Церковью после недавно упомянутого нами епископа Именея принял Замвда. Он вскоре скончался; Ермон, последний перед современным нам гонением, получил апостольский престол, донныне сохраняемый.

(30) В Александрии преемником Максима, восемнадцать лет управлявшего Церковью после Дионисия, стал Феона. При нем в Александрии известен был Ахилла, удостоенный священнического сана одновременно с Пиерием. Он управлял училищем святой веры, закончил труд, редкий и не уступавший другим в философской значимости, и явил образ жизни, истинно соответствующий Евангелию. (31) После Феоны, прослужившего девятнадцать лет, епископство получил Петр, в течение двенадцати лет со славой несший это служение; до гонения он неполных три года руководил Церковью, остальное время жизни провел в тяжелых подвигах, открыто заботясь об общем благе Церкви. На девятом году гонения он был обезглавлен и украсился венцом мученичества.

(32) В предшествующих книгах мы установили порядок преемств от рождения Спасителя нашего и до разрушения молитвенных домов, т. е. за 305 лет. Оставим же потомкам нашим работу, из которой они узнают о современных нам мужественных борцах за веру, о том, кто они были и сколько их было.

КНИГА ВОСЬМАЯ

Рассказав в целых семи книгах о преемстве от апостолов, мы решили в этой восьмой описать современные события, заслуживающие особого внимания; познакомить с ними и наших потомков весьма и весьма необходимо. Рассказ наш начнется вот с чего.

1

У нас не хватит сил достойно рассказать о том, каким уважением пользовалась до нынешнего гонения вера в Бога Вседержителя, возведенная Христом всем людям, эллинам и варварам, и как свободно ее проповедовали. (2) Об этом свидетельствуют и благосклонные к нам указы императоров, и поручения нам управлять провинциями, и избавление нас от мучительной необходимости приносить жертвы: императоры очень расположились к нашей вере. (3) Что сказать о лицах, живших при дворе, и о самих государях? Своим близким, женам и детям¹, их близким они разрешали свободно в их присутствии говорить о Боге, разрешали держаться в жизни христианских обычаев; им почти разрешали хвалиться свободным исповеданием веры; служителей-христиан предпочитали другим. (4) В числе их был и знаменитый Дорофей, самый преданный, самый верный слуга, за это особенно чтимый людьми, стоящими у власти. Таким же уважением за свою веру в Бога пользовались известный Горгоний и другие. (5) С каким доброжелательством относились к предстоятелям Церкви прокураторы и правители! Как описать эти многотысячные собрания в каждом городе, эти удивительные толпы людей, сте-

кающиеся в дома молитвы! Старых зданий было мало; по всем городам воздвигали новые обширные церкви². (6) Так шли в то время наши дела: с каждым днем наше благополучие росло и умножалось; ничья зависть нам не мешала, и злобный демон не мог ни очернить нас, ни подстроить людских козней, пока над нами была рука Божия, охранявшая народ, этого достойный.

(7) И вот эта полная свобода изменила течение наших дел: все пошло кое-как, само по себе, мы завидуем друг другу, осыпаем друг друга оскорблениями и только что, при случае, не хватаемся за оружие; предстоятели Церквей ломают друг о друга словесные копья, миряне восстают на мирян; невыразимые лицемерие и притворство дошли до предела гнусности³. Божий суд, по обыкновению, щадил нас (собрания еще устраивались) и направлял нас, без крайних мер, к кротости. Гонение началось с братьев, находившихся в войсках. (8) Словно лишившись всякого разума, мы не беспокоились о том, как нам умиловить Бога; будто безбожники, полагая, что дела наши не являются предметом заботы и попечения, творили мы зло за злом, а наши мнимые пастыри, отбросив заповедь благочестия, со всем пылом и неистовством ввязывались в ссоры друг с другом, умножали только одно — зависть, взаимную вражду и ненависть, раздоры и угрозы, к власти стремились так же жадно, как к тирании тираны. Тогда, да, тогда исполнилось слово Иеремии: «Омрачил Господь в гневе Своем дочь Сиона, сверг с небес на землю славу Израиля и не вспомнил о подножии ног Своих в день гнева Своего. Потопил Господь всю красу Израиля и уничтожил все ограждения его». И в псалмах предсказано: «Уничтожил завет с рабом Своим и поверг на землю — через разрушение церквей — Свое святилище, уничтожил все ограды его и исполнил страха его крепости. Расхищали его толпы народа — все, идущие путем своим, и, сверх того, стал он посмешищем у соседей своих. Возвысил Господь десницу врагов его и удалил помощь от меча его и не поддержал его в битве. Он лишил его чистоты и престол его поверг на землю; сократил дни времени его и покрыл стыдом всех людей».

2

Все это действительно исполнилось в наши дни. Своими глазами видели мы, как молитвенные дома рушили от верха и до самого основания, а Божественные святыне книги посередине площади предавали огню; как церковные пастыри постыдно прятались то здесь, то там, как их грубо хватали и как над ними издевались враги. Тогда сбылось другое пророческое слово: «Пролился позор на вождей, и бродили они не по дороге, а по местам нехоженным». (2) Не наше дело, однако, описывать постигшие их мрачные бедствия; в мою задачу не входит сообщать потомству об их раздорах и безумствах перед гонением. Мы решили ничего больше не говорить о них, кроме того, что оправдывает суд Божий. (3) Меня не увлекает желание увековечить память ни тех, кто впал в искушение по случаю гонения, ни тех, кто потерпел крушение всякой надежды на спасение и по собственному выбору был низвергнут в кипящую пучину. Я расскажу в этой, касающейся всех истории только о том, что может послужить на пользу, во-первых, нам самим, а затем и нашим потомкам.

Отправимся же в путь и вкратце расскажем о священных подвигах мучеников за слово Божие.

(4) Шел 19-й год правления Диоклитиана, когда в месяце Дистре (у римлян это март), накануне праздника Страстей Господних, повсюду был развешан императорский указ, повелевавший разрушать церкви до основания, а Писание сжигать и объявлявший людей, державшихся христианства, лишенными почетных должностей; домашняя прислуга лишалась свободы⁴.

(5) Таков был первый указ против христиан; вскоре за ним последовали и другие распоряжения: предписывалось всех епископов повсеместно сначала заключить в тюрьму, а затем всякими средствами заставить их принести жертву⁵.

3

Тогда, именно тогда многие предстоятели Церквей мужественно перенесли жестокие мучения; много можно рассказать об этих великих подвигах. Тысячи других, не помнивших себя от трусости, при первом же натиске сразу лишились всех сил. Из числа же первых каждый выдержал попеременно разные виды пыток: одного мучили бичеванием, другой терпел невыносимые страдания от дыбы и «когтей»; некоторые тут и обрели горестный конец жизни. (2) Состязания иного рода ожидали других: одного толкали и, силой подведя к гнусным, нечистым жертвам, отпускали как принесшего жертву, хотя он ее и не приносил; другой вовсе и не подходил к жертвеннику и не прикасался ни к чему нечистому, но люди утверждали, что он принес жертву, и человек молча уходил оклеветанным; полумертвого выбрасывали как мертвеца; (3) лежавшего на земле долго волочили за ноги и причисляли к принесшим жертву. Кто-то громко выкрикивал свое отречение от жертвоприношения; кто-то во всеуслышание провозглашал, что он христианин, и хвалился исповеданием имени Спасителя; кто-то наставлял, что он не приносил жертвы и никогда ее не принесет.

(4) Этих людей били по зубам, лицу и щекам, и затем солдаты из отряда, с этой целью поставленного, с силой выталкивали их. Враги веры придавали большое значение этой кажущейся победе⁶. Эти меры были безуспешны по отношению к святым мученикам. Хватит ли у нас слов в точности рассказать о них?

4

Можно было бы рассказать о тысячах христиан, показавших изумительное мужество в исповедании веры в Бога Вседержителя, и не только во времена, когда поднималось гонение, а значительно раньше, когда все наслаждались миром. (2) Недавно, совсем недавно, словно от глубокого сна, пробудился получивший власть⁷ и тайком, скрытно, после Деция и Валериана, пошел на Церковь, но объявил войну не всем нам сразу, а испытал свои силы сначала только на войске (он думал, что ему будет легко уловить и остальных, если он сначала одолеет сопротивление военных)⁸. Стало, однако, явно, что большинство военных радостно соглашались жить жизнью простых граждан, лишь бы не отречься от веры в Творца вселенной. (3) Военачальник⁹ — кто бы им тогда ни был — сразу же начал преследование в войсках; он перебрал людей и кое-кого удалил, предлагая на выбор: или повиноваться, пребывая и дальше в своем звании, или, наоборот, лишиться его, если они будут противиться приказу. Весьма многие воины рати Царства Христова испо-

ведение Его немедленно и безусловно предпочли своей мнимой известности и своему мнимому благополучию. (4) Случалось, что один-два человека за свое крепкое стояние в вере платили не только потерей звания, но и жизнью, ибо тот, кто осуществлял свой замысел, крутых мер не применял и осмеливался проливать кровь лишь немногих, боясь, по видимому, большого числа верных и не решаясь пойти войной сразу на всех.

(5) Наконец, он открыто напал на нас, и нет слов рассказать, скольких мучеников — и каких! — жители каждого города и селения могли своими глазами видеть повсюду.

5

Сразу же, как только в Никомидии был обнародован указ о Церквах, некий человек, небезызвестный, но самого высокого, по мирским представлениям, звания, движимый горячей ревностью по Боге и побуждаемый верой, схватил указ, прибитый на виду в общественном месте, и разорвал его на куски, как безбожный и нечестивейший. В городе находилось два властителя: один — самый старший и другой, занимавший после него четвертую ступень в управлении¹⁰. Тот же человек, местный житель, прославившийся таким образом, выдержал все, что полагалось за такую дерзость, сохраняя до последнего вздоха ясный ум и спокойствие¹¹.

6

Наше время поставило выше всех героев, прославляемых у эллинов и варваров за свое удивительное мужество, замечательных мучеников: Дорофея и бывших с ним императорских придворных юношей; господа удостоили их высокой чести и были расположены к ним, как к родным детям. Они скончались, считая истинным богатством, бóльшим, чем мирская слава и роскошь, поношения, страдания за веру и смерть; для них придумывали разные их виды. Я упомяну о том, как скончался один из них, предоставляя читателям заключить, что происходило и с другими.

(2) Одного человека в Никомидии привели на площадь и в присутствии упомянутых властителей велели принести жертву; он отказался. Его велели раздеть, подвесить и сечь по всему телу бичами, пока, умученный, он, пусть и против воли, не сделает, что приказано. (3) Он терпел, бесповоротный в своем решении, хотя кости его уже были видны; и вот составили смесь из укуса с солью и стали поливать уже помертвевшие части тела. Он презрел и эти страдания; тогда притащили на середину железную решетку, подложили под нее огонь и стали жарить то, что оставалось от его тела, так, как жарят мясо, приготовляемое в пищу, не целиком, чтобы он сразу не скончался, а по частям: пусть умирает медленно. Уложившим его на огонь разрешено было снять его не раньше, чем он знаком даст согласие выполнить приказ. Мученик, однако, не сдался и победоносно испустил дух среди мучений. Так был замучен один из императорских придворных юношей. Его звали Петром, он был достоин своего имени¹².

(5) Не меньшими были и страдания других, но, сокращая слова ради соразмерности в работе, мы не станем о них говорить. Упомянем только, что Дорофей и Горгоний вместе с большей частью императорской челя-

ди после многообразных подвигов были удушены и получили награду за свою Божественную победу.

(6) В то же время Анфим, тогдашний предстоятель Никомидийской Церкви, был обезглавлен за свидетельство о Христе. К нему присоединился целый сонм мучеников. Не знаю, что было причиной пожара, вспыхнувшего в те дни в никомидийском дворце; пошла молва, будто это дело христиан; подозрение было ложным, но, по повелению императора, местных христиан стали избивать поголовно без разбора: одних прикалывали мечом, другие кончали жизнь на костре. Говорят, что по какому-то Божественному, непостижимому побуждению мужья вместе с женами кидались в костер. Множество людей палачи привязывали к лодкам и топили в морской пучине. (7) Императорских придворных юношей по кончине их не предали с подобающей честью земле; мнимые владыки решили, что тела их следует вырыть и бросить в море, чтобы никто не пришел поклониться им, покоящимся в могилах, и дабы не сочли их богами. Таков был ход их мыслей. Вот что происходило в Никомидии в начале преследования.

(8) В скором времени, когда некие люди попытались завладеть царской властью в области, именуемой Мелитинской¹³, а другие — в Сирии, вышел царский указ повсюду бросать в темницу и держать в оковах предстоятелей Церквей. (9) То, что затем произошло, превосходит всякое описание: повсюду попали в заключение тысячи толпы; тюрьмы, построенные издавна для убийц и разрывателей могил, были теперь полны епископов, священников, диаконов, чтецов и заклинателей; места для осужденных за преступления не оставалось¹⁴.

(10) Вслед за первым указом последовали новые: узникам, принесшим жертву, разрешалось выйти на свободу; упорствовавших приказано было терзать всяческими пытками. И опять-таки, как пересчитать количество мучеников в каждой епархии, особенно в Африке, в Мавритании, в Фиваиде и в Египте? Из Египта многие уже ушли в другие города и епархии и прославились как мученики.

7

Мы знаем, кто прославился в Палестине, знаем, кто в Тире Финикийском¹⁵. Кто не будет потрясен, видя, как эти воистину изумительные борцы за веру стойко переносили длительное бичевание и сразу же после него состязание с кровожадными зверями! С изумительной выдержкой встречали эти благородные люди нападение любого зверя: леопарда, медведя той или другой породы, дикого кабана, быка, разъяренных от прижигания каленым железом. (2) Мы и сами присутствовали при этом и видели, как в свидетельствующем о Спасителе нашем явно присутствовала и являла себя Божественная сила Самого свидетельствуемого Иисуса Христа. Плотоядные звери долго не осмеливались ни прикасаться, ни даже подходить к телам людей, возлюбленных Богом, а кидались на тех, кто, стоя за ареной, их дразнили. Святые борцы одиноко стояли, обнаженные, и, как им было приказано, размахивали руками, привлекая зверей на себя, но звери к ним даже не прикасались. А иной раз звери устремлялись на них, но, как бы удерживаемые Божественной силой, они отходили вспять.

(3) Так продолжалось долго, и зрители были чрезвычайно удивлены, тем более, что когда первый зверь ничего не делал, выпускали второго

и третьего на одного и того же мученика. (4) Можно было поражаться стойкому терпению этих святых и непоколебимой твердости этой молодежи. Ты увидел бы юношу неполных двадцати лет, стоящего без оков с крестообразно распростертыми руками, погруженного в молитву душой спокойной и бестрепетной; он не сходил с места, где стоял, а медведи и леопарды, дыша свирепостью и смертью, почти касались его тела, и только Божественная невыразимая сила, не знаю — как, заставляла их не разевать пасть и отбегать вспять. Вот каков был этот человек.

(5) Мог бы ты увидеть и других (их было всего пятеро): их бросили разъяренному быку. Он поднимал на рога подходивших к арене и, подбросив их, истерзав, оставлял полумертвыми, но, устремившись на святых мучеников, он, грозный и свирепый, не мог к ним и подойти. Он бодал рогами и бил копытами то там, то здесь; разъяренный от прижигания каленым железом, дышащий яростью и угрозами, он был отброшен Божественным Промыслом и не нанес им никакого вреда; пришлось выпустить на них других зверей. (6) Наконец, после того, как их кидали разным и страшным зверям, их прикололи мечом и, вместо земли и могилы, предали морским волнам.

8

Вот каково было состязание, которое выдержали в Тире египтяне, боровшиеся за веру.

Можно было бы удивляться и тем, кто был замучен у себя на родине. Здесь тысячи людей — мужчин, женщин, детей, презрев эту временную жизнь, вытерпели за учение Спасителя нашего смерть различного рода: одних после «когтей», дыбы, жестокого бичевания и множества разнообразных пыток, о которых и слушать страшно, предавали огню; других топили в море; иные мужественно подставляли свои головы под мечи палачей; некоторые умирали в пытках; иных уморили голодом, иных распинали — или как обычно распинают преступников, или более жестоким образом, пригвозждая головой вниз и оставляя в живых, пока они не погибали от голода на самом кресте.

9

Пытки и страдания, которые вынесли мученики в Фиваиде, превосходят всякое описание. Их терзали «когтями» и раковинами, пока они не расставались с жизнью; женщин, привязав за одну ногу, поднимали с помощью каких-то орудий в воздух головой вниз, совершенно обнаженных, ничем не прикрытых — зрелище для всех глядевших и позорнейшее, и по своей жестокости бесчеловечнейшее. (2) Других привязывали к веткам деревьев: с помощью каких-то приспособлений две самых крепких ветки притягивали одну к другой, привязывали к каждой ногу мученика; затем ветки отпускали, они принимали свое естественное положение, и человек был раздираем пополам. (3) Все это творилось не несколько дней, не в течение короткого времени, а длилось долгие-долгие годы. Погибших бывало иногда больше десяти, иногда больше двадцати, случалось, что не меньше и тридцати, а в иной раз число их доходило почти до шестидесяти. Иногда в один день сразу бывало убито сто человек: мужчин, детей, женщин, которые скончались после разнообразных пыток, сменявших одна другую.

(4) Мы находились в тех местах и видели, как в один день разом гибло множество людей: одних обезглавливали, других жгли на костре; мечи, которыми убивали, тупились, железо ломалось; уставали сами палачи, сменявшие друг друга. (5) Тогда же увидели мы изумительный порыв и воистину Божественные силу и мужество уверовавших во Христа Божия. Еще читали приговор одним мученикам, как уже со всех сторон к судейскому помосту сбегались другие люди и объявляли себя христианами, не беспокоясь о пытках, ужасных и разнообразных; бесстрашно исповедуя Бога Творца, они с радостью, с улыбкой и благодушием принимали смертный приговор и до последнего вздоха пели благодарственные гимны Творцу. Это были удивительные люди, но особого удивления заслуживают те, кто выделялся богатством, родовитостью, славился красноречием и философским образованием и все это вменил в ничто по сравнению с истинным благочестием и верой в Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа. (7) Таков был Филором, который занимал крупную должность управляющего царской казной в Александрии; он ежедневно бывал в суде, как судья, и его всегда сопровождала, в соответствии с его званием, воинская охрана. Таков был Филеас¹⁶, епископ Тмуитской Церкви, человек прославленный и исполнением общественных обязанностей у себя на родине, и своими щедротами, и философским образованием. (8) Напрасны были уговоры многочисленных родственников и друзей, включая занимавших важные должности, и самого судьи, увещавшего их пощадить себя и пожалеть жен и детей, — жизнь не могла уловить их своими приманками и не заставила пренебречь заповедями Спасителя нашего об исповедании и отречении. Всем угрозам и оскорблениям судьи они противопоставили мужественное и любомудренное рассуждение, вернее, душу благочестивую, любящую Бога, и оба были обезглавлены.

10

Мы говорили, что Филеас заслуживал большого уважения за свою осведомленность в науках мирских; пусть же он предстанет сам и, свидетельствуя о себе самом, покажет, каков он был, и своими словами, гораздо точнее, чем я, расскажет, что происходило при нем в Александрии.

Из письма Филеаса к тмуитам¹⁷.

(2) «Так как все эти примеры, образцы и прекрасные наставления находятся в Божественном Священном Писании, то бывшие с нами мученики незамедлительно возводили чистое око своей души к Богу Вседержителю; мысленно решив умереть за веру, они крепко держались своего призвания, обретя Господа нашего Иисуса Христа, вочеловечившегося ради нас, дабы истребить всякий грех, а нам дать все необходимое для входа в жизнь вечную, «ибо Он не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя, приняв образ раба, уподобился видом человеку и смирил Себя до смерти, и смерти крестной».

(3) Поэтому, «ревнуя о дарах больших», мученики-христоносцы выдерживали всякую муку, все измышляемые для них пытки, причем некоторые не однажды, а двукратно, всякие угрозы, и не только словесные: воины, приставленные к ним, изошрялись в своих действиях. Они были непреклонны в своем решении, ибо «совершенная любовь изгоняет страх».

(4) Найдется ли слово рассказать о доблестном мужестве, с которым

они выдерживали каждую пытку? Всем желающим разрешено было издеваться над ними: их били палками, розгами, били бичами, ремнями, кнутами. (5) Зрелище этих мучений постоянно возобновлялось, и какая была тут злоба! Людей, со связанными за спиной руками, подвешивали к столбам и воротом растягивали все их члены, затем палачам отдавалось приказание искалечить им своими орудиями все тело: не только бока, как убийцам, но и живот, и ноги, и щеки. Подвешивали за одну руку к колонне портика: это растяжение суставов и членов было самой страшной мукой. Привязывали к колоннам лицом и так, чтобы ноги не касались земли: под тяжестью тела узы натягивались и сильнее его сжимали. (6) Мученики терпели это не только в то время, пока правитель их допрашивал и занимался ими, а в течение почти целого дня, когда он переходил к другим, а первых предоставлял надзору своих помощников: не сдастся ли кто-нибудь, побежденный пытками. Приказано было также безжалостно усугублять их мучения, а умирающих снимать и волочить по земле. (7) У них не было и тени снисхождения к нам: они думали о нас и обращались с нами так, словно мы сущее ничтожество. (8) После этих мучений придумали другую пытку: укладывали на доску и растягивали за обе ноги до четвертой дыры; приходилось поневоле лежать навзничь, потому что все тело было в ранах от ударов. Бросали людей на землю и заставляли их лежать под страхом возобновления мучений. Страшное зрелище представляли их тела с разными следами от пыток. (9) Так все и шло: одни умирали в пытках, устывая своей выдержкой врага; другие, запертые полумертвыми в тюрьме, умученные, умирали через несколько дней. Остальные, через лечение восстановив свои силы, становились дерзновеннее, (10) так что когда им предлагали на выбор: или прикоснуться к мерзкой жертве и остаться в покое, получив от врагов достойную проклятия свободу, или же, не принося жертвы, выслушать смертный приговор, — они без колебания радостно шли на смерть. Они знали, что определено в Святом Писании: «Кто приносит жертву другим богам, да будет истреблен» и: «Да не будет у тебя других богов, кроме Меня»».

(11) Таковы слова истинного мудреца и боголюбивого мученика, которые он написал братьям своей епархии из тюрьмы накануне вынесения смертного приговора. Он рассказывал, чему был подвергнут, и одновременно убеждал братьев крепко держаться веры Христовой после его кончины, которая скоро последует.

(12) Но к чему слова? Зачем к рассказам о подвигах, совершаемых преподобными мучениками по всей вселенной, прибавлять рассказ еще о других подвигах, тем более, что речь пойдет о людях, с которыми обращались не по закону, общему для всех, а как с врагами?

11

Маленький фригийский городок¹⁸, населенный христианами, окружили солдаты и сожгли его дотла вместе с детьми и женщинами, взывавшими к Богу Вседержителю, сожгли потому, что все жители города: сам градоправитель, военачальник с прочими магистратами и весь народ — исповедали себя христианами и не послушались приказа поклониться кумирам. (2) Некий Адавкт, человек высокого звания, потомок знатного италийского рода, удостоенный от императоров всех этих так называемых почестей и общественных должностей, безупречно исполнявший обя-

занности управляющего хозяйством всей страны, прославился и своей правой верой, и исповеданием Христа, Сына Божия. Он украсился венцом мученика, выдержав подвиг за веру еще во время исполнения своей должности.

12

Зачем упоминать мне по именам остальных, пересчитывать множество людей или описывать многообразные мучения дивных мучеников? Одних, как в Аравии¹⁹, зарубили секирами; другим, как в Каппадокии, ломали ноги; иногда подвешивали головой вниз и разводили под ними слабый огонь: люди задыхались в дыму, поднимавшемся от горящих сучьев, как случилось в Месопотамии²⁰; а иногда, как в Александрии, им отрезали носы, уши, руки и уродовали другие члены и части тела.

(2) Вспоминать ли антиохийских мучеников, которых поджаривали на раскаленных решетках с расчетом не сразу их умертвить, а подольше мучить; другие предпочитали положить в огонь правую руку, чем прикоснуться к мерзкой жертве²¹. Некоторые, избегая испытания и не дожидаясь, пока их схватят враги, бросались вниз с высоты дома: в сравнении с жестокостью безбожников такая смерть казалась счастливым жребием²².

(3) Была в Антиохии некая святая и дивная по своей душевной добродетели женщина, известная красотой, богатством, родовитостью и доброй о себе славой. Двух своих дочерей воспитала она в правилах истинной веры; были они в расцвете юности и красоты. Злобные завистники всеми силами старались выследить, где они скрываются. Узнав, что они живут в другой стране, их хитростью вызвали в Антиохию, и они попали в ловушку, расставленную войнами. Мать, видя в безвыходном положении себя и детей, изобразила дочерям все те ужасы, какие готовят им люди; самой страшной и непереносимой была угроза непотребным домом. Она сказала дочерям, что ни они, ни она и краем уха не должны слышать об этом, сказала, что предать свою душу в рабство демонам страшнее всякой смерти и хуже всякой гибели, и предложила единственный выход — бегство к Господу. (4) Дочери утвердились в этой мысли, пристойно окутались своими плащами, на полпути попросили у стражи разрешения отойти немного в сторону и бросились в реку, протекавшую рядом²³.

(5) Таковы были эти женщины. В той же Антиохии жили две девушки, истинные сестры, во всем угодные Богу, известные родовитостью, славные жизнью, юные возрастом, прекрасные телом, высокие душой, благочестивые нравом, дивные ревностью. Прислужники демонов велели бросить их в море, словно земля не могла вынести их. Вот что рассказано о них²⁴.

(6) Страшно слушать, что терпели мученики в Понте²⁵: им загоняли под ногти на руках острые тростинки и прокалывали насквозь пальцы; расплавив свинец, поливали этим кипящим металлом спину, обжигая важные части тела.

(7) Некоторым постыдно и бесчувственно причиняли невыразимые страдания во внутренностях и тайных органах. Благородные законопослушные судьи, выставляя напоказ свои способности как некую мудрость, с великим усердием придумывали, какую бы новую пытку изобрести, и старались превзойти друг друга, словно в состязании за награду. (8) Но

пришел и предел нашим бедствиям: отказываясь впредь прибавлять зло ко злу, устав убивать, пресытившись проливаемой кровью, они обратились к тому, что, по их мнению, было хорошо и человеколюбиво,— стали притворяться, будто уже не затевают против нас ничего ужасного.

(9) Не следует, говорили они, осквернять города кровью их граждан и давать повод обвинять в жестокости императоров, ко всем милостивых и кротких; надлежит распространить на всех благоденствия человеколюбивой царской власти и никого больше не казнить. Это наказание по человеколюбию властителей к нам больше не применяли ²⁶.

(10) Но тогда же последовал приказ вырывать глаза и увечить одну ногу. Это было для них мерой человеколюбивой и наказанием нам легчайшим. Вот следствие этого человеколюбия нечестивых: невозможно пересчитать людей, у которых, вопреки всякому здравому смыслу, выбивали мечом правый глаз, а затем прижигали глазницу, и у которых левая нога от прижиганий суставов переставала действовать. После этого их отправляли в провинцию на медные рудники — не столько для работы, конечно, сколько для изнурения и мучения. Кроме всех этих мучеников, были и еще погибшие в других подвигах. Невозможно их перечислить; мужество их превосходит всякое описание.

(11) В таких-то состязаниях просияли по всей вселенной преподобные Христовы мученики, всюду, естественно, поражавшие тех, кто видел их мужество. В них проявлена была воистину Божественная неизреченная сила Спасителя нашего. Упомянуть каждого по имени было бы долго, вернее, невозможно.

13

Из предстоятелей Церквей, свидетельствовавших о Христе в крупных городах, первым занесем на скрижали членов Царства Христова Никомидийского епископа Анфима, которому отрубили голову. (2) Из мучеников Антиохии мы почитаем тамошнего пресвитера Лукиана, человека превосходного по всей жизни своей, который в присутствии императора проповедовал о Небесном Христовом Царстве сначала словесно, в апологии, а затем своими поступками.

(3) Из финикийских мучеников назовем как самых знаменитых, возлюбленных Богом пастырей духовных овец Христовых: Тиранниона, епископа Тирской Церкви, пресвитера сидонского Зиновия и Сильвана, епископа Церквей в окрестностях Эмисы. (4) Последний был брошен на съедение зверям и сопричислен к лику мучеников в самой Эмисе; первые два прославили в Антиохии Божественное учение своим терпением до самой смерти: епископ был брошен в пучину морскую, а Зиновий, славный врач, скончался, мужественно перенеся пытки, которым подвергали его бока ²⁷.

(5) Из палестинских мучеников Сильвана, епископа Церквей в окрестностях Газы, вместе с тридцатью девятью христианами обезглавили в медных рудниках Фена; там же Пилей и Нил, египетские епископы ²⁸, скончались вместе с другими на костре. (6) Да будет упомянут вместе с ними и пресвитер Памфил, великая слава Кесарийской Церкви, среди наших современников человек удивительнейший; о его славной деятельности мы напишем в свое время.

(7) Из славно скончавшихся в Александрии, по всему Египту и в

Фиваиде первым запишем Петра, епископа Александрийского²⁹, дивного учителя веры Христовой, и вместе с ним пресвитеров Фавста, Дия и Аммония, совершенных мучеников Христовых, также Филеаса, Исихия, Пахимия и Феодора, епископов Церквей египетских, и тысячи других славных христиан, которых помнят в местных Церквях. Написать о них, по всей вселенной подвизавшихся за веру, и в точности о них рассказать не входит в мою задачу; это дело людей, видевших то своими глазами. О событиях, при которых я присутствовал, напишу к сведению наших современников в другой работе. (8) В настоящем сочинении я добавлю к сказанному обзор всего, что было предпринято против нас с начала гонения: для читателей это очень полезно.

(9) Пока римские власти не начали борьбу против нас, в те времена, когда правители были к нам дружелюбны и мирны, как они были богаты, как благоденствовали! Слов не хватит рассказать об этом! Вселенские владыки отмечали десятилетие и двадцатилетие своего царствования празднествами, общими торжествами, блистательными пиршествами и ликованием — кругом был глубокий, прочный мир. (10) Власть их с каждым днем беспрепятственно росла и ширилась, как вдруг они отказались от мира с нами и начали непримиримую войну. Не прошло среди этих волнений и двух лет, как среди стоявших у власти все изменилось и все опрокинулось вверх дном. (11) На первого из упомянутых обрушилась злая болезнь, помутившая его разум; он и второй по нем окончили жизнь простыми гражданами³⁰. События эти еще не завершились, как все государство разделилось на две части: такого на людской памяти еще не было.

(12) Прошло еще немного времени, и император Констанций, который всю свою жизнь был к подданным кроток и милостив, а к Божественному учению очень расположен, оставив после себя императором и Августом родного сына Константина, скончался, по общему для всех закону природы. Он первый был причислен к богам и удостоен после смерти всех подобающих императору почестей. Был он самым добрым и кротким из всех императоров. (13) Единственный из современников, он достойно провел все время своего правления, явив себя и в остальном для всех доступным и ко всем милостивым. Он вовсе не участвовал в войне против нас, оберегал своих подданных христиан от вреда и обид, не разорял церквей и ничего иного против нас не придумывал. И конец жизни его был счастливым и трижды блаженным: он единственный скончался славным и благостным правителем, оставив преемником родного сына, весьма разумного и благочестивого³¹.

(14) Сын его, Константин, был сразу провозглашен самодержцем и Августом воинами, но еще прежде их Богом Вседержителем. Он ревностно следовал отцу в своем отношении к нашей вере. Таким человеком был Константин. Но тут, с общего решения правителей, самодержцем и Августом объявлен был Лициний. (15) Это жестоко обидело Максима³², который тогда один из всех именовался Кесарем. Был он совершеннейшим деспотом, сам себе присвоил титул Августа и стал им собственной своей волей. В это же время позорнейшей смертью погиб тот, о котором было сказано, что он после отречения опять стал у власти; его уличили в попытке умертвить Константина. Он был первым, чьи почетные статуи, портреты и вообще все, что положено по обычаю, как дань человеку нечестивому и безбожному, были уничтожены³³.

14

Сын его, Максентий, тиранически правил в Риме; сначала он, желая понравиться народу и польстить ему, притворился, будто держится нашей веры, приказал своим подданным прекратить гонение на христиан и, изображая себя благочестивым, принял вид правителя доступного и более кроткого, чем предыдущие. (2) На деле он оказался не таким, каким, думалось, он будет. В каких только нечестивых делах он себя ни обнаружил: грязь и всяческое распутство, разврат и растление; он разлучал законных супругов, издевался над женщинами позорнейшим образом и отсылал их обратно к мужьям. И обижал он не простых, неизвестных женщин, но преимущественно жен сенаторов, занимавших в сенате первые места. (3) Все — простой народ и магистраты, славные и безвестные — трепетали его и страдали от его жестокой тираннии. Люди, однако, оставались спокойны и переносили горькое рабство; не было избавления от забрызганного кровью жестокого тирана. По какому-то ничтожному предлогу он отдал народ на избиение своей охране; тысячи римлян были перебиты в центре города — не скифами и варварами, а копьями и всяким оружием своих сограждан.

(4) Невозможно перечислить, сколько сенаторов он казнил, чтобы завладеть их имуществом; очень многие были уничтожены под разными вымышленными предлогами. (5) Преступления свои он увенчал обращением к магии; для своих чародейств он то разрезал чрево беременных женщин, то рылся во внутренностях новорожденных, а иногда убивал львов и гнусными молитвами молил демонов отворить войну. На эти средства и возлагал он всю надежду на победу. (6) Он властвовал в Риме как тиран, и нельзя и выразить, до какой степени поработил он своих подданных; такой крайней скудости и недостатка в съестных припасах никогда, по воспоминаниям наших современников, не бывало ни в Риме, ни в других местах.

(7) Максимин, тиран Востока, заключил с римским, как с братом по злодейству, тайный союз, думая, что он надолго останется втайне. Позднее он был изобличен и понес заслуженную кару.

(8) Удивительно, в каком близком родстве и братстве по нечестию находился он с тираном римским; злодейством он, правда, побеждал, был первым. Первые из чародеев и магов удостоились у него высочайших почестей, так как был он крайне боязлив и суеверен и весьма почитал языческие заблуждения относительно идолов и демонов: шага не делал без гаданий и прорицаний.

(9) Поэтому он взялся преследовать нас чаще и сильнее своих предшественников; приказал воздвигать храмы в каждом городе, а капища, от времени обветшавшие, старательно восстанавливать; по всем местам и городам назначил идольских жрецов и поставил над ними в каждой провинции верховного жреца, выбрав его из магистратов, наиболее прославившихся всякими щедротами, и определив ему для охраны воинский отряд. Всем чародеям без разбора, как благочестивым любимцам богов, он раздавал крупные должности и большие привилегии. (10) Начав с этого, он стал мучить и угнетать не какой-нибудь один город или область, а все без исключения подвластные ему провинции тяжелейшими налогами, вымогательством сказочного количества золота, серебра и других сокровищ и всяческими несправедливостями. Отбирая от богатых людей состояние, нажитое их предками, он одаривал придворных лсте-

цов сразу грудями сокровищ. (11) Его страсть к вину и пьянству дошла до такой степени, что на пиршествах он напивался до потери сознания и отдавал в пьяном виде приказания, в которых на следующий день, протрезвившись, сам каялся. Он никому не уступал в пьянстве и распутстве, стал учителем злонравия для управителей и слуг в своем окружении; уничтожил дисциплину в войске, приучив солдат к изнеженной и роскошной жизни; правителей и военачальников, едва не властвовавших вместе с ним, поощрял грабить подданных и наживаться на них.

(12) Вспоминать ли о его неистовом и позорном сладострастии, или перечислять множество им опозоренных? Он не мог миновать ни одного города, чтобы не обесчестить женщин и не похитить девиц. (13) Это сходило ему с рук у всех, только не у христиан: они презирали смерть и ни во что ставили такую тиранию. Мужчин жгли, прикалывали, распинали, бросали диким зверям и топили в морской пучине, отрубали им члены и прижигали каленым железом, выкалывали глаза и вырывали их, делали совершенными калеками и еще морили голодом и, заковав, отправляли в рудники — всё терпели они за веру, лишь бы поклоняться не идолам, а Богу. (14) Божественное слово сделало женщин мужественными, как мужчины: одни, выдержав такие же подвиги, получили равную награду за свое мужество; другие, влекомые на поругание, скорее предавали душу смерти, чем тело растлению. (15) Одна из женщин, предназначенных служить сластолюбию тирана, христианка, очень известная и блиставшая в Александрии, победила страстную и безудержную душу Максимиана своей мужественной твердостью. Она славилась богатством, родовитостью, образованием и сочла все это второстепенным сравнительно с целомудрием. Он умолял и упрасивал ее, но был не в силах убить гоговую к смерти; побеждаемый более страстью, чем гневом, он наказал ее ссылкой и забрал все ее имущество.

(16) Тысячи других, будучи не в силах даже слышать о непотребном доме, которым угрожали правители провинций, терпели всяческие пытки и мучения и были приговорены к смерти. Удивительные были эти женщины, но особого удивления заслуживает одна римлянка, действительно благороднейшая и самая целомудренная из всех женщин, которых пытался обидеть тамошний тиран Максентий, действовавший так же, как Максимин. (17) Когда она узнала, что прислужники тирана, которым поручались такие дела, окружили ее дом (а была и она христианкой) и что муж ее, префект Рима, согласился из страха на то, чтобы ее взяли и увели, она попросила маленькой отсрочки, будто для того, чтобы принарядиться, пришла в комнату и, оставшись одна, вонзила в себя меч и тут же скончалась, оставив совратителям свой труп. Делами, которые громче всяких слов, показала она и современникам и потомкам, что для христиан единственное сокровище — добродетель: она не гибнет и непобедима.

(18) Столько зла в преизбытке было совершено одновременно двумя тиранами, разделившими между собой Восток и Запад. Кто же, ища причину таких бедствий, усомнится увидеть ее в преследовании христиан, тем более, что вся эта сумятица кончилась, как только христиане вздохнули свободно?

В течение десяти лет преследования все время возникали заговоры и вспыхивали междоусобные войны. Море стало непроходимо: не было

случая, чтобы людей, откуда бы они ни плыли, не подвергали всяким истязаниям: их подвешивали, терзали «когтями» и всячески пытали, допрашивая, не подосланы ли они вражеской стороной, и наконец распинали или сжигали. (2) Повсюду готовили щиты, панцири, стрелы, копья и прочее воинское снаряжение; строили военные корабли и делали оружие, потребное для морских битв. Только войны и можно было ежедневно ожидать³⁴. И еще обрушились на них чума и голод, о чем мы расскажем в свое время.

16

Вот что происходило во все время преследования; на десятом году оно, по милости Божией, совсем прекратилось, а затихать стало на восьмом году³⁵. Когда явлено было по Божественной небесной благодати милосердное о нас смотрение, те же самые правители, которые раньше затеяли против нас войну, удивительно переменились в своих мыслях и стали поступать совсем иначе, гася широко распространившийся пожар гонения благосклонными к нам эдиктами и снисходительными распоряжениями. (2) Дело тут было не в людях: действовало не сострадание, как бы сказал кто-нибудь, не человеколюбие властителей — ничуть нет! — ежедневно ведь от начала и до нынешнего часа измышлялись против нас самые жестокие меры, против нас пускались в ход разнообразные средства. (3) Здесь был явно виден Божественный Промысл: отношение людей к нам изменилось, виновник всего зла³⁶ был наказан. Постигла его Божия кара: началось с телесной болезни, а завершилась она душевной. (4) Вдруг на тайных членах его появился нарыв, затем в глубине образовалась фистулообразная язва, от которой началось неисцелимое разъедание его внутренностей. Внутри кишки несметные черви, и невыносимый смрад шел от его тела. Еще до болезни стал он от обжорства грузным и ожиревшим; невыносимым и страшным зрелищем была эта разлагающаяся масса жира. (5) Те врачи, которые вообще не могли вынести это страшное и нестерпимое зловоние, были убиты; других, которые ничем не могли помочь этой раздувшейся глыбе и отчаялись спасти ее, безжалостно казнили.

17

Поняв в этих страданиях, какие преступления совершал он против христиан, он собрался с мыслями, призвал Бога Вседержителя, а затем, созвав окружавших его, велел немедленно прекратить гонение на христиан и царским указом и распоряжением побудить их строить церкви и совершать обычные службы, творя молитвы за императора. (2) Сразу же за словами последовало дело — по городам развешаны были царские распоряжения, отменявшие прежние указы против нас:

(3) «Император Кесарь Галерий Валерий Максимин, непобедимый, Август, великий понтифик, великий победитель германцев, великий победитель Египта, великий победитель Фиваиды, великий пятикратный победитель сарматов, великий (двукратный) победитель персов, великий (двукратный) победитель карпатов, великий шестикратный победитель армян, великий победитель Мидии, великий победитель Адиабены, трибун в двадцатый раз, император в девятнадцатый, консул в восьмой, отец отечества, проконсул, (4) и император Кесарь Флавий Валерий Константин, благочестивый, благополучный, непобедимый, Август, главный вели-

кий понтифик, трибун в пятый раз, император в пятый раз, консул, отец отечества, проконсул, и император Кесарь Валерий Ликийнин, благочестивый, благополучный, непобедимый, Август, великий понтифик, трибун в четвертый раз, император в третий, консул, отец отечества, проконсул,— жителям своих провинций желаем здравия.

(6) Среди мер, принятых нами на благо и пользу народов, сначала решили мы восстановить все у римлян, согласно древним законам и общественным установлениям, заботясь о том, чтобы христиане оставили учение своих предков и образумились. (7) В силу измышлений исполнились они такой самоуверенности, что не следуют установлениям древних и, может быть, даже тому, что принято было их родителями. Каждый живет по собственному усмотрению, как хочет: они сочинили сами себе законы, соблюдают их и составляют по разным местам различные общеста.

(8) Поэтому и последовало наше им повеление вернуться к установлениям предков: очень многие из них подверглись смертельной опасности, большое число было потревожено и умерло разной смертью.

(9) Увидев, что многие, пребывая в своем безумии, не воздают подobaющего поклонения ни богам небесным, ни Богу христиан, мы, по нашему человеколюбию и неизменной привычке даровать всем прощение, решили незамедлительно распространить наше снисхождение и на христиан: пусть они остаются христианами, пусть строят дома для своих собраний, не нарушая только общественного порядка. В другом послании мы объясним судьям, что им надлежит соблюдать. (10) И в соответствии с этим разрешением христиане должны молиться своему Богу о благодеянии нашем, всего государства и своем собственном: да будет все хорошо в государстве и да смогут они спокойно жить у своего очага».

Таково содержание этого эдикта, который мы перевели, как смогли, с латинского языка на греческий. Пришло время взглянуть на события последующие.

Дополнение³⁷

Автор этого указа, после своего признания, вскоре избавился от своих страданий и скончался. Молва идет, что он был главным виновником бедствий во время гонения, что еще задолго до воцарения остальных императоров он заставлял воинов-христиан, а прежде всего своих придворных, отречься от веры; военных одних лишал звания, других бесчестил и оскорблял, а иным грозил и смертью и наконец подстрекнул своих соправителей начать гонение на всех христиан вообще. Нельзя обойти молчанием и конец их всех.

(2) Власть разделили между собой четыре властителя. Не прошло и двух лет с начала гонения, как двое, первые по возрасту и достоинству, отрелись от власти и, как было сказано раньше, прожили остаток своей жизни простыми гражданами. Конец их жизни был таков: (3) первого по достоинству и возрасту извела длительная мучительнейшая телесная болезнь; второй после него оборвал свою жизнь через повешение; такой конец был предсказан и демоном за множество его легкомысленных преступлений.

(4) Последний из остальных, зачинщик всего гонения, претерпел страдания, о которых мы рассказали. Предшествовавший ему император Констанций, самый добрый и кроткий, достойно провел все время своего

властвования, показал себя из всех доступным и благодетельным; он не принимал участия в войне против нас и своих подданных христиан оберегал от бед, не разрушал церквей, вообще не предпринимал ничего против нас; конец его жизни был счастливым и трижды блаженным, и он единственный оставил в благополучии и славе власть своему родному сыну, мудрому и благочестивому. Сразу же войско провозгласило его самодержцем и Августом; по отношению к нашей вере он был ревнителем отцова благочестия.

Так в разное время ушли из жизни упомянутые выше четыре правителя. (6) Из них один, о котором мы говорили недавно, незадолго до своей смерти, соединившись с теми, кто вскоре стал у власти, признал свои заблуждения и обнародовал приведенный нами указ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

1

Отмена прежнего царского распоряжения была обнародована по всей Азии и по соседним провинциям. Пока события так и шли, Максимин, тиран на Востоке — был ли еще на свете такой безбожник — неистовый враг Христовой веры, раздосадованный писаным указом, в ответ на обнародованное распоряжение, устно приказал своим подчиненным прекратить войну с нами. Идти наперекор решению сильнейших было ему никак нельзя, и он скрыл изданный закон, не желая, чтобы о нем знали в областях, им управляемых, а устно распорядился своим подчиненным прекратить гонение. Они сообщали этот приказ друг другу письменно. (2) И вот Сабин, занимавший должность верховного префекта¹, объявил правителям отдельных провинций царскую волю в послании, написанном по-латыни:

(3) «В величайшем и священнейшем рвении своем божественные владыки наши, богоподобные самодержцы, давно уже поставили направить мысли всех людей на путь святой и праведной жизни, дабы и те, кто, по-видимому, живет не по обычаям римлян, воздавали бессмертным богам подобающие им почести. (4) Непреклонность некоторых, однако, и упрямство их замыслов дошли до того, что их нельзя ни отклонить от собственных решений разумным и справедливым приказом, ни утратить предостоящим наказанием.

(5) Так как подобный образ жизни может многих ввергнуть в опасность, то божественные владыки наши, могущественнейшие самодержцы, по благородству врожденного им благочестия, сочли чуждым для своего божественного предназначения ввергать людей по такой причине в опасность и велели мне, набожному, уведомить тебя, пронизательного, что если найдется какой-либо христианин, соблюдающий веру своего народа, то избавь его от беспокойства и опасности и не вздумай никого наказывать под этим предлогом, ибо уже в течение столь долгого времени установлено, что их никоим образом нельзя убедить отказаться от своего упорства.

(6) Озабочься поэтому написать кураторам, стратегам и начальникам кварталов каждого города², что они в своей деятельности должны держаться в пределах предписанного этим указом».

(7) После этого правители провинций, решив, что этим посланием

подтверждается императорский указ, объявили в письменных распоряжениях царскую волю кураторам, стратегам и деревенским старшинам; предписания еще раньше предварили делом: выполняя до конца царскую волю, вывели на свет Божий сидевших по тюрьмам за веру, отпустили тех, кто в наказание был сослан в рудники. Считая, что император действительно всего этого хочет, они ошибались.

(8) Так шли события; внезапно, словно среди глубокой ночи, загорелся свет: в каждом городе можно было видеть собрания верующих, очень большие съезды и во время их обычные церковные службы. Любой язычник немало смущался этим, удивлялся невероятной перемене и провозглашал единым истинным и великим Бога христиан. (9) Те из наших, кто с верой мужественно вынес борьбу и прошел через гонение, опять получили возможность свободно говорить перед всеми; те, кто ослабел в вере и был захлестнут бурей, радостно и спешно устремились к исцелению; хватаясь за спасающую руку, они упрашивали пребывавших в силе молить Бога, да смилостивится над ними. (10) Благородные борцы за веру, избавленные от мучений в рудниках, возвращались к себе; бодрые, сияющие проходили они через города, исполненные несказанной радости и того чувства свободы и дерзновения, которое невозможно передать словом. (11) Многочисленные толпы встречали их на больших дорогах и городских площадях и, хваля Бога, сопровождали с пением гимнов и песен. Те, кого совсем недавно ты мог увидеть в цепях, присужденных к жестокому наказанию, высылаемых из родных мест, возвращались с радостными и светлыми лицами к себе домой, и даже те, кто раньше грозил нам смертью, видя это изумительное зрелище, случившееся вопреки всем ожиданиям, радовались вместе с нами.

2

Упомянутый правитель Востока, тиран, ненавистник прекрасного, враг всякого добра, будучи не в состоянии перенести это, не позволил удержаться такому положению вещей и в течение шести полных месяцев. Вот как он придумал нарушить мир: прежде всего попытался под каким-то предлогом запретить нам собираться на кладбищах; затем, подстрекнув каких-то злых людей, он снарядил посольство к самому себе от антиохийцев, заранее подучив их просить у него, как величайшей милости, запрещения жить в их родном городе любому христианину; к такой же просьбе побуждал он и других. Главарем всего этого в Антиохии оказался Феотекн, страшный чародей и лукавый, недостойный своего имени человек³. Он, кажется, был куратором города.

3

Он, главным образом, и вел против нас войну, усердно, всякими способами охотясь на нас, словно на мерзких воров, которых вытаскивают из их тайных убежищ. Он возводил на нас всякую клевету и был виновником гибели множества наших. Наконец, с помощью какого-то колдовства и чародейства он водрузил кумир Дружественного Зевса⁴, придумал в его честь какие-то нечестивые таинства, чудовищные мистерии, преступные очищения. До самого царя доводит он выдумки о своих, будто бы сбывшихся, предсказаниях. И он же, лстя властелину, в угоду ему возбуждает против нас демона и говорит, что этот бог повелевает изгнать христиан, как своих врагов, из города и окрестных деревень.

4

Феотекн был первым, кто действовал обдуманно и планомерно. Остальные магистраты, жившие в этой же провинции, торопились принять подобное же постановление; правители провинций, видя, что это угодно царю, предписывали подчиненным действовать таким же образом⁵. (2) И когда тиран ответил рескриптом, в котором выражал полное удовлетворение их действиями, вновь вспыхнуло гонение на нас. В каждом городе самим Максиминном поставлены были идольские жрецы и над ними верховные жрецы, выбранные из наиболее известных граждан, отличившиеся во всех городских магистратурах. Они прилагали великое старание к поддержанию службы тем, кого чтили.

(3) Чрезвычайное, коротко говоря, суеверие властелина побуждало всех его подданных — и правителей и управляемых — в угоду ему всячески вредить нам; в расчете на благодеяния с его стороны ему сделали величайшее угодение: потребовали убивать нас и придумать новые мучения.

5

Измышлены были тогда «Акты Пилата»⁶ — записки, полные всяческой хулы на Христа; по указанию властелина списки этих «Акт» разослали по всей подвластной ему стране с приказом поместить их всюду по деревням и городам на виду у всех; учителям же, вместо занятий учебными предметами, велели читать их в школах и заставлять учеников выучивать наизусть.

(2) Пока эти распоряжения выполнялись, военный правитель Дамаска Финикийского⁷ (у римлян он называется дуком) велел схватить на площади несколько непотребных женщин и заставил их под угрозой пыток письменно заявить, что они были раньше христианками и знают, что христиане преступники, что они творят непотребства в самих церквах; вообще в оклеветание нашей веры они сказали всё, что он хотел. Прибавив к «Актам» их показания, он сообщил о том царю, который распорядился обнародовать и это дело по всем местам и городам.

6

Этот военачальник вскоре покончил с собой: понес наказание за свое злонаравие. Опять стали нас жестоко изгонять и преследовать; по всем провинциям принимали против нас жестокие меры; некоторые наиболее известные христиане были безоговорочно приговорены к смерти. Трое из Эмесы Финикийской, объявившие себя христианами, были брошены в пищу зверям; одним из них был епископ Сильван, глубокий старец, несший свое служение целых сорок лет. (2) В это же время Петр, славно управлявший Александрийской епархией, дивный для епископов образец добродетельной жизни и глубокого знания Писания, был без всякого основания схвачен и без малейшего промедления, сразу же беспричинно обезглавлен, будто бы по приказу Максимиана. Вместе с ним также были казнены многие епископы из Египта.

(3) Пресвитер Антиохийской Церкви Лукиан, человек прекрасной строгой жизни, погруженный в священную науку, был приведен в Никомидию, где тогда находился царь. Он выступил перед магистратом с апологией учения, за которое был схвачен; его увели в тюрьму и убили.

(4) Такое зло причинил нам за короткое время ненавистник добра Максимин, что гонение, возбужденное им, стало казаться нам тяжелее прежнего.

7

Посреди каждого города (никогда такого не бывало) стояли бронзовые колонки, на которых были выгравированы городские постановления против нас и царские ответные эдикты; у детей в школах не сходили с языка имена Иисуса, Пилата и его «Акты», выдуманные в поношение Христа. (2) Мне кажется необходимым поместить здесь сам эдикт Максимина, приведенный на колонках, чтобы разом стала ясна тщеславная и надменная дерзость его богоненавистничества и ненависть к злу и безбожию неусыпной святой правды, шедшей за ним по пятам. Гонимый ею, он вскоре принял другие решения и закрепил их в писанных законах.

(3) Перевод Максиминова эдикта, изданного в ответ на постановления против нас; взято с колонки в Тире (копия).

«Бессильно некогда державшая человеческая мысль наконец, прогнав и рассеяв туман бессмысленного заблуждения, которое перед этим держало в плену губительного мрачного невежества чувства людей, не столько нечестивых, сколько несчастных, обрела силу и поняла, что все управляется и утверждается благодетельным промыслом бессмертных богов. (4) Не выразить словами, сколь радостно, сколь приятно и любезно нам это великое доказательство вашей благоговейной любви к богам. И прежде было всем известно, как вы благочестивы и как преданы бессмертным богам; вашу веру узнают не по утратившим смысл пустым словам — ее прославляют непрестанные и удивительные дела. (5) Поэтому-то ваш город недаром зовется храмом и жилищем бессмертных богов. Многие примеры свидетельствуют, что своим процветанием он обязан обитающим в нем богам. И вот теперь, заметив, что начинают вновь шевелиться эти люди, исполненные проклятого тщеславия и как бы в оставленном и потухающем костре своими факелами снова возбуждающие огромное пламя, вы пренебрегаете собственными важными делами, забываете о своих прежних просьбах и сразу же, без всякого промедления прибегаете к нашему благочестию, как к прибежищу всех религий, прося исцеления и помощи. (7) Ясно, что эту спасительную мысль за вашу благочестивую веру внушили вам боги; это он, всевышний и великий Зевс, блюститель вашего великолепного города, охраняющий от беды и гибели ваших отеческих богов, ваших жен, детей, родной ваш дом и очаг, да, он вдохнул в ваши души это спасительное желание, показывая и давая знать, сколь превосходно, великолепно и спасительно обращаться к бессмертным богам, с подобающим благоговением служить им и приносить жертвы. (8) Найдется ли такой глупец или вовсе лишенный разума человек, который не понимал бы, что все происходит по благодетельной воле богов: земля не отвергает вверяемых ей семян и не обманывает надежд земледельцев тщетным ожиданием; нечестивая война не вперяет беспрепятственно в землю свой взор; тяжелый климат не поражает смертью иссохшие тела; море, взволнованное бурными ветрами, не вздымается горой; неожиданные ураганы не обрушиваются губительной бурей; наконец, земля, всеобщая кормилица и мать, не выступает в страшных содроганиях из своего глубочайшего лона, а возвышающиеся на ней горы не поглощаются разверзшимися безднами. Все знают, что такие и гораздо тягчайшие бедствия до этого времени часто случались, (9) и все это по вине губительного заблуждения и пу-

стого тщеславия этих беззаконников, окрепшего в их душах и, можно сказать, державшего под гнетом позора чуть не всю землю».

(10) Потом немного ниже он добавляет: «Пусть воззрят они на обширные равнины, волнующиеся колосьями, на луга, где благодатные дожди взрастили траву и яркие цветы, на погоду, нам дарованную, мягкую, умеренную.

(11) Да возрадуются же все, что это устроено благодаря вашему благочестию, вашим жертвам и почитанию всемогущего и крепчайшего Арея! Да смогут все спокойно наслаждаться миром! А те, кто перестал блуждать вслепую и вернулся к правильному и наилучшему образу мыслей, да возрадуются еще больше, как люди, спасшиеся от нежданной бури, избавившиеся от тяжелой болезни и получившие возможность наслаждаться жизнью! (12) Если же они останутся в этом проклятом пустом заблуждении, то да будут, как вы о том просили, изгнаны далеко за пределы вашего города и его окрестностей, дабы в соответствии с вашим достойным горячим желанием ваш город, избавившись от всякой скверны и нечестия, обратился, по врожденному своему расположению, к благоговейному служению бессмертным богам. (13) А чтобы вы знали, как любезна нам была эта ваша просьба, без промедления, без просьбы, по собственному побуждению нашей исполненной благоговения души, мы предлагаем вам, благочестивые люди, в ответ на вашу любовь к богам просить у нас любой великой милости. (14) Согласитесь только сделать это, и получите всё без промедления. Оказанная вашему городу милость будет весь век свидетельствовать о вашем благочестии и любви к богам, а для ваших сыновей и потомков послужит доказательством, что по нашей благосклонности вы получили достойную награду за избранный вами жизненный путь».

(15) Этот указ, направленный против нас, был развешан по всем провинциям; надеяться на что-либо доброе, от людей, по крайней мере, было нечего: по слову Божию, «если возможно, то даже избранные соблазняются». (16) Большинство перестало ожидать хорошего, и вдруг, когда еще в пути были люди, обязанные обнародовать эдикт против нас, Господь, Защитник Святой Церкви, не только обуздал высокомерие тирана по отношению к нам, но и послал небесную нам помощь.

8

Обычные во время зимы ливни и дожди не орошали землю в прежнем количестве; неожиданно обрушились голод, чума, к тому же появилась новая болезнь — язва, сопровождавшаяся огненным жаром и за эту особенность названная «антракс». Распространяясь по всему телу, она грозила великой опасностью. Проявлялась она преимущественно на глазах и сделала слепыми бесчисленное множество мужчин, женщин и детей. (2) К этим бедствиям присоединилась еще война с армянами; их, людей, издавна бывших друзьями и союзниками Рима, притом христиан, и христиан ревностных, этот богоборец попытался принудить к жертвоприношениям идолам и демонам и этим сделал их вместо друзей врагами и вместо союзников — неприятелями. (3) Все это обрушилось сразу, в одно и то же время, посрамляя богопротивную кичливость самонадеянного тирана, дерзко утверждавшего, что при нем не будет ни голода, ни чумы, ни войны, ибо он чтит идолов и теснит нас. Все эти бедствия, случившиеся вместе и одновременно, предварили его гибель⁸.

(4) Сам он вместе со своими войсками терпел неудачи в войне с армянами; жители подвластных ему городов были вконец замучены чумой и голодом: мера пшеницы стоила 2500 аттических драхм. (5) Тысячи людей умирали в городах, а еще больше в деревнях и селах; из цензовых списков, куда раньше внесено было большое число земледельцев, пришлось чуть ли не всех вычеркнуть: почти все погибли от недостатка еды и от чумной болезни.

(6) Обменивали у более зажиточных самые любимые свои вещи на крохотное количество пищи; распродав по мелочам свое имущество, доходили до крайней нищеты; жевали клочки сена; съев иногда, не разбирая, ядовитые растения, разрушали свое здоровье и гибли.

(7) Знатных горожанок нужда заставила забыть стыд: они выходили на площади и просили милостыни; краска стыда на лице и изящество одежды говорили о том, что они получили хорошее воспитание. (8) Люди, иссохшие, похожие на призраки, боролись со смертью; шатаясь, скользя, не имея сил стоять, они падали на улицах и, лежа ниц, молили подать им кусок хлеба; до последнего вздоха выкрикивали они, что голодны: сил у них хватало только на этот горестный вопль. (9) Пораженные множеством просящих, люди, по-видимому, состоятельные сначала щедро помогали, но под конец впали в состояние бесчувственности и жестокосердия, ожидая в скором времени той же горькой участи. По площадям и улицам много дней валялись без погребения голые мертвецы — зрелище для глядевших весьма жалостное. (10) Некоторые даже стали пищей для собак. Оставшиеся в живых стали убивать собак, боясь, как бы они, рассирепев, не сделались людоедами. (11) Чума наравне с голодом пожирала целые семьи, особенно те, которые, имея запасы съестного, не могли пострадать от голода. Поэтому правители, военачальники и многочисленные магистраты, жившие в достатке, словно нарочно оставленные голодом в добычу чуме, умирали мучительной и скорой смертью. Везде стенания — на улицах, рынках и площадях; всюду только плач, обычные звуки флейт и биение себя в грудь. (12) Таким образом, воюя двумя названными орудиями: чумой и голодом, смерть за короткое время скосила целые семьи: из одного дома выносили сразу двух-трех умерших.

(13) Так расплатился Максимин за свое высокомерие и обнародованные по городам постановления против нас, а между тем все язычники видели ясные доказательства благочестия христиан и их деятельной заботы о каждом. (14) Среди этих безысходных бедствий они одни на деле обнаружили свою сострадательность и человеколюбие: ежедневно и безотказно достойным образом хоронили умерших (о многих некому было похорониться), в каждом городе собирали вместе изголодавшихся людей и раздавали им хлеб, так что все признали Бога христиан и стали говорить, что только христиане — люди благочестивые и любящие Бога и что они засвидетельствовали это своими делами⁹. (15) Когда события приняли такой оборот, Господь, великий и небесный защитник христиан, явив через указанные бедствия Свой грозный гнев на всех людей, послал нам за то, что мы от них в избытке претерпели, светлый луч Своего Промысла, словно в глубоком мраке чудесным образом засиял для нас свет посланного Им мира, чтобы всем стало ясно, что Господь Сам блюдет нас во всех делах: наказывает Свой народ, когда нужно, испытывает его, но затем, достаточно вразумив его, являет Себя кротким и милостивым к тем, кто возлагает на Него свои надежды.

Именно поэтому Константин, царь благочестивый, сын царя, как мы говорили, благочестивейшего и мудрейшего, а за ним Лициний, оба украшенные разумом и благочестием, волей Бога Вседержителя и Спасителя нашего, пошли справедливой войной на нечестивейших тиранов, и Бог чудесным образом стал им помощником. В Риме в войне с Константином пал Максентий; на Востоке Максимин, не долго переживший его, погиб позорнейшей смертью от Лициния, который тогда был еще в здравом уме.

(2) Константин, первый в царстве по почету и положению, сжалился над жителями Рима, находившимися во власти тирана. Призвав в молитвах на помощь Бога Небесного и Его Слово, Спасителя всех, Самого Иисуса Христа, выступил он со всем войском для возвращения римлянам свободы, полученной ими от предков. (3) Максентий, больше полагаясь на искусство чародеев, чем на расположение подданных, не осмеливался и шагу ступить за городские ворота; каждое место, каждый город, окрестности Рима и вся поработанная им Италия были забиты его бесчисленными гоплитами и тысячами воинских отрядов. Царь же выступил, надеясь на помощь Божию; в первом, втором и третьем сражениях он одержал полную победу, прошел большую часть Италии и был совсем близко от Рима¹⁰. (4) И, словно избавляя его от войны с римлянами, вызванной тираном, Господь, будто какой цепью, вытащил тирана весьма далеко от городских ворот. И вот наказание, постигшее в древности нечестивцев — большинство этому не верит, считая сказкой, но верующие верят запечатленному в Священном Писании, — предстало во всей очевидности верующим и неверующим, узревшим чудо своими глазами.

(5) Как во времена Моисея и некогда благочестивого народа еврейского «Господь ввергнул в море колесницы фараоновы и войско его и отборных всадников его и, погрузив в Черном море, покрыл их волнами», так и Максентий со своими гоплитами и охраной «канули в бездну, как камень». Убегая от Константинова войска, подкрепляемого силой Божией, он должен был перейти встретившуюся на пути реку; соединив оба ее берега очень хорошим мостом из лодок, он приготовил собственную гибель¹¹. (6) О нем можно сказать: «Вырыл ров, и углубил его, и упал в яму, которую сделал. Обратится болезнь его на главу его, и на темя его сойдет неправда его». (7) Мост, соединявший берега реки, разошелся, стал погружаться в воду, лодки вместе со всеми людьми сразу пошли ко дну, и первым — нечестивейший из людей, а за ним и оруженосцы, с ним бывшие; сбылось предсказание Божие: «Утонули, как свинец, в великих водах». (8) Справедливо, если не словами, то делом, подобно спутникам великого служителя Божия — Моисея, укрепляемые Богом победители воспели песнь, составленную против древнего нечестивого тирана: «Воспоем Господу, ибо Он славно прославился: коня и всадника вверг в море. Господь мой помощник и покровитель во спасение мое. Кто, Господи, подобен Тебе среди богов? Прославлен Ты среди святых, дивен среди славных Ты, творящий чудеса!»

(9) Вот так или подобно этому воспел Константин в делах своих Бога, Верховного Владыку, даровавшего победу. С победными песнопениями вступил он в Рим, и все, вместе с женами и детьми, сенаторы, видные магистраты со всем римским народом встретили его с веселыми лицами и сердцами, как избавителя, освободителя и благодетеля, приняли с гром-

кими восклицаниями и беспредельной радостью. (10) Он же, словно по врожденному благочестию, не был потрясен криками и не превознесся от похвал; прекрасно понимая, что от Бога подана помощь, он распорядился изобразить себя держащим в руке победное знамение страстей Спасителя. И когда на самом людном месте Рима была воздвигнута ему статуя со спасительным символом в правой руке¹², он приказал начертать под ней следующую надпись на латинском языке: (11) «Этим спасительным знаменем, истинным свидетельством мужества, я освободил ваш город и спас его от ига тирана, а освободив, вернул сенату и римскому народу прежние блеск и славу».

(12) После этого Константин и с ним Лициний, еще не впавший в безумие, впоследствии им овладевшее, почитая Бога виновником всех ниспосланных им благ, единодушно издали закон, для христиан совершенно превосходный. Они послали его Максимину, который еще правил на Востоке и заискивал перед ними, сообщив также о чудесах, посланных им в помощь, и о победе над тираном.

(13) Тирана Максимиана очень огорчили эти сведения. Он не хотел, однако, чтобы думали, будто он отступает перед другими и отменяет прежние приказы из страха перед новыми распоряжениями; поэтому он разослал подвластным ему правителям указ в пользу христиан, составленный будто бы по доброй воле, а на самом деле вынужденный, живо повествующий о том, что им никогда не было ни сказано, ни сделано¹³.

Перевод указа тирана Максимиана (копия):

(1) Иовий Максимин Август — Сабину. Тебе, человеку важному, и всем людям, думаю, известно, что владыки и отцы наши Диоклетиан и Максимиан, узнав, что почти все люди оставили служение богам и присоединились к народу христианскому, справедливо постановили всех, отступивших от почитания богов, в науку другим, наказывать и призывать к служению богам.

(2) Когда же я благополучно прибыл впервые на Восток и узнал, что очень много людей, способных служить государству, по вышеуказанной причине выслано куда-то судьями, я отдал каждому судье приказ впредь ни с кем из христиан, жителей провинций, не поступать жестоко, но возвращать к служению богам убеждениями и лаской. (3) Судьи, следуя приказу, стали соблюдать мои распоряжения, и никто в восточных областях не был ни выслан, ни обижен, и люди, не чувствуя угнетения, охотно возвращались к почитанию богов. (4) Затем, когда в прошлом году я благополучно прибыл в Никомидию и оставался там, жители этого города пришли ко мне со статуями богов и усиленно просили меня никоим образом не разрешать таким людям жить в их родном городе. (5) Узнав же, что в этих областях живет много людей этой веры, я дал им такой ответ: просьба их доставила мне большое удовольствие, но я не вижу, чтобы она исходила ото всех. И если есть люди, упорствующие в этом суеверии, то пусть каждый по желанию своему держится того, что предпочел, а кто пожелает, пусть обратится к служению богам.

(6) Точно так же жителям Никомидии и остальных городов, обратившимся ко мне с такой же горячей просьбой: да не живет никто из христиан в их городах, я вынужден был милостиво ответить, ибо все прежние самодержцы соблюдали такое положение, и самим богам, которыми

держатся все люди и само государство, было угодно, чтобы я утвердил прошение, поданное в защиту веры в богов.

(7) Тем не менее тебе, человеку благочестивому, очень часто отправляемы были указы и давались также приказания не притеснять жителей провинций, соблюдающих подобные обычаи, но обходиться с ними спокойно, не давая себе воли; пусть также не терпят ни от бенефициариев¹⁴, ни от кого бы то ни было обид или вымогательств. Я решил в соответствии с этим напомнить тебе, что лаской и убеждением ты скорее обратишь к вере в богов жителей наших провинций. (8) И если кто по собственному выбору решит, что должно верить в богов, то таких людей надлежит принимать благосклонно; если же кто желает следовать своей вере, оставь его жить по собственной воле. (9) Поэтому ты должен соблюдать то, что тебе велено: никому не разрешается обижать жителей наших провинций и что-либо у них вымогать, ибо, как выше написано, следует призывать их к вере в богов больше лаской и убеждением. А чтобы этот указ наш дошел до сведения всех, ты должен обнародовать его собственным распоряжением».

(10) Максимин действовал вынужденно, по необходимости, а не по убеждению; никто не считал его правдивым и заслуживающим доверия: и раньше за подобным же снисхождением у него обнаруживалась лживость и шаткость мысли. (11) Никто из наших не решался ни собирать собраний, ни действовать открыто: судя по указу, это было нежелательно. Было приказано только не оскорблять нас, но не разрешалось прямо ни устраивать собраний, ни строить церквей, ни вообще исполнять наших обычных обрядов. (12) И хотя защитники мира и благочестия¹⁵ писали ему, что позволяют это, и сами эдиктами и законами объявляли о таком позволении своим подданным, но великий нечестивец предпочел не сдаваться и, только постигнутый судом Божиим, вынужден был под конец согласиться против воли.

10

Подвигла его к этому такая причина: он был не в состоянии нести бремя высшей власти, не по заслугам полученной, — не хватало благоумия и государственного ума; дела он вел глупо и неизменно, по своей пустой хвастливости, превозносил себя. Он осмелился выступить против своих соправителей и притязал на первое место, тогда как они превосходили его всем: и родовитостью, и воспитанием, и образованием, достоинством, мудростью и, что важнее всего, благоразумием и верой в истинного Бога. (2) Совершенно потеряв разум, он нарушил договор, заключенный с Лицинием, и повел непримиримую с ним войну. За короткое время он все привел в движение, взбудоражил все города и все войско, собрал неисчислимые тысячи воинов и, построив их в боевом порядке, двинул на врага, уповая на демонов, которых считал богами, и с горделивой уверенностью полагаясь на тысячи своих гоплитов. (3) Вступив в сражение, он оказался без Божией помощи; единый Господь и Вседержитель распорядился победой, даровав ее тогдашнему властелину¹⁶. (4) Сначала он потерял гоплитов, на которых особенно надеялся; копьеносцы, его охранявшие, бросили его, одинокого и беззащитного, и перебежали к победителям. Несчастный, поспешно сняв не подобающее ему царское убранство, трусливо, низко и малодушно скрылся в толпе, а затем, прячась, скитался по селам и деревням, с трудом скрываясь от врагов, заботясь только о своем

спасении. Делами своими подтвердил он верность и истинность Божественного пророчества: «Не спасет царя великое войско, и не спасется исполн огромной силой своей. Ненадежен конь для спасения, в могуществе своем не спасется. Вот очи Господни на боящихся Его и уповающих на милость Его, что Он души их спасет от смерти». (6) Покрытый позором, возвратился тиран в свои области. Прежде всего, в неистовом гневе он казнил, как чародеев, обманщиков и предателей, многих жрецов и пророков тех богов, которых раньше чтил и чьи предсказания ввергли его в войну. Затем, воздав славу Богу христианскому, он издал совершеннейший и самый полный закон, обеспечивающий им свободу. И вскоре — никакой отсрочки ему не было дано — умер он жалкой смертью¹⁷. Изданный им закон был следующий.

Перевод указа тирана в пользу христиан с латинского языка на греческий (копия):

(1) «Император Кесарь Гай Валерий Максимин, победитель германцев и сарматов, благочестивый, счастливый, непобедимый, Август. Верим, что каждому известно и ясно, если он мысленно вернется к прошлому, что мы всячески и неизменно заботились о благе жителей наших провинций и стремились обеспечить им то, что для них наиболее выгодно, что относится к общему их благу, что соответствует общей пользе и приходится по душе каждому.

(2) Еще раньше дошло до нашего сведения, что, ссылаясь на распоряжения, данные божественными нашими предками Диоклитианом и Максимианом и запрещавшие собираться христианам, официалы¹⁸ занимались вымогательством и грабежом, и что зло это разрастается в ущерб жителям, в то время как мы особенно стараемся иметь ревностное о них попечение. Видя, что имущество частных лиц вконец разграбляется, мы в прошлом году отправили наш указ правителям каждой провинции и постановили законом: если кто желает следовать какому-то обычаю и хранить свою веру, пусть беспрепятственно держится того, что избрал; никто не смеет ни препятствовать ему, ни запрещать; он может свободно действовать без страха и подозрения так, как ему угодно.

(9) Кроме того, от нас не могло сейчас укрыться, что некоторые судьи не обращали внимания на наши приказания и заставили наших людей усомниться в наших распоряжениях и совершать с опаской богослужебные обряды, которые им приятны. (10) Дабы впредь уничтожить всякие подозрения и всякий повод к страху, мы постановили обнародовать настоящий указ: пусть все знают, что желающим следовать такому учению и исповедовать такую веру разрешается, по милости нашей, пребывать в той вере, какая ему привычна и им выбрана, как кому желательно или приятно. Разрешается также строить и церковные дома. (11) А чтобы еще усугубить нашу милость, решили мы законом постановить следующее: если какие дома и земли принадлежали раньше по праву христианам, а по приказу предков наших перешли во владение казны, или были присвоены каким-то городом, или проданы, или кому-то отданы в подарок, то мы приказываем вернуть их христианам в прежнее владение — да видят все наше благочестие и нашу попечительность».

(12) Таковы были слова тирана, последовавшие менее чем через год после того, как были развешаны его указы против христиан. Тот, кто совсем недавно считал нас губительной язвой для всех, нечестивцами и безбожниками, для которых закрыты были и города, и деревни, и даже пу-

стыни, теперь издавал постановления и законы в пользу христиан. Недавно перед его глазами христиан жгли, закалывали, бросали в пищу зверям и птицам, всячески мучили, обрекая на жалкую смерть, как безбожников и нечестивцев; теперь они получают от этого же тирана согласие на свое богослужение, позволение строить церкви и признание некоторых своих прав.

(13) После этого признания, как бы в награду, он пострадал меньше, чем следовало бы ему пострадать. Пораженный сразу бичом Божиим, он погиб во втором сражении.

(14) Умер он не так, как умирают военачальники, руководящие ходом войны, храбро сражающиеся за своих близких и ради славы; они мужественно умирали славной смертью на поле битвы... Этот нечестивый боготорец в то время, как войско его стояло в поле, готовое биться за него, оставался дома и, скрываясь, понес заслуженное наказание: бич Божий внезапно хлестнул его по всему телу; в страшных, невыносимых страданиях лежал он навзничь и почти умирал от голода; все тело его таяло в невидимом огне, посланном Богом; целиком исчез, словно растаял, прежний его облик, остались одни сухие кости, нечто вроде старого скелета. Все присутствовавшие смотрели на его тело не иначе, как на могилу души, погребенной в совершенно разрушившемся трупѣ. (15) Огонь, исходивший из самого мозга, жег его еще сильнее; глаза выкатились у него из орбит — он стал слепым. Однако он еще дышал и призывал смерть, исповедавал Господа. Наконец, осознав, что он справедливо страдает за жестокость к христианам, он испустил дух¹⁹.

11

Итак, Максимин, последний и из всех самый жестокий враг христиан, никому больше не мешал. Церкви, по милости Бога Вседержителя, поднимались с самого основания своего; учение Христово распространяло свой свет во славу Божию и пользовалось большей, чем раньше, свободой; нечестивые враги веры покрылись крайним бесчестьем и позором. (2) Прежде всего властители объявили Максимиана врагом всех; в государственных всюду развешанных манифестах он назывался нечестивейшим, ненавистнейшим и богопротивнейшим тираном. Портреты, расставленные по всем городам в честь его и его детей, либо сбрасывали сверху наземь и затаптывали, либо замазывали черной краской; статуи, поставленные в его честь, тоже ниспровергали, разбивали в куски и выбрасывали для посмеяния и поругания.

(3) Затем лишены были всех почестей и прочие враги нашей веры; перебиты все единомышленники Максимиана, в первую очередь те, кого он почтил званием правителей и кто, льстя ему, грубо оскорблял наше учение. (4) Таковы были: Певкетий, из его друзей особо почтенный, наиболее уважаемый и самый верный, дважды и трижды бывший консулом и назначенный управляющим государственной казной; Кулькиан, также прошедший все правительственные должности, прославившийся тем, что пролил в Египте кровь множества христиан. Было немало и других, содействовавших поддержанию и усилению тирании Максимиана²⁰.

(5) Божий суд поразил и Феотекна: его поступки в отношении христиан не были преданы забвению. Водрузив в Антиохии идола, он считывал благоденствовать; от Максимиана был он удостоен высокой власти. (6) Лициний, прибыв в Антиохию, стал разыскивать чародеев и,

пытая пророков и жрецов новоявленного идола, старался вывести, как сумели они придумать этот обман. Те, измученные пытками, не могли умолчать и объявили, что вся мистерия—это обман, придуманный Феотекном. Все понесли заслуженное наказание; первым казнен был Феотекн, а затем, после многих пыток, и прочие сообщники его волшебства. (7) К ним присоединены были и дети Максимиана, которых он сделал своими соправителями и выставлял на портретах наряду со своими изображениями. И родственники тирана, бывшие прежде надменными и мучившие людей, претерпели то же самое и были покрыты позором, потому что они не приняли учения, не познали и не уразумели совета, данного Священным Писанием: «Не надейтесь на князей, на сынов человеческих, в которых нет спасения. Изойдет дух их и возвратится в землю свою; и в тот день погибнут все помышления их».

После такой гибели нечестивых твердая и огражденная от зависти царская власть по справедливости осталась только в руках Константина и Лициния. Истребив прежде всего враждебное Богу и осознав дарованные им от Него блага, они любовь свою к Нему и к добродетели, расположение к Божественному благочестию и благодарности доказали через издание законов в пользу христиан.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

1

Богу Вседержителю и Владыке благодарение за всё, величайшая же благодарность Спасителю и Искупителю душ наших Иисусу Христу, через Которого мы всегда молим о непоколебимой твердости среди мирских тревог и душевных обстоятельств.

(2) С молитвой присоединяем мы к предшествующим книгам Церковной истории эту, десятую, и посвящаем ее тебе, Павлин, человеку для меня священному¹, да будешь ты как бы печатью всего нашего труда. (3) Уместно будет книгу, помеченную этим совершенным числом, завершить торжественным словом о возобновлении церквей. Повинуясь велению Духа Божия: «Воспойте Господу песню новую, ибо Он сотворил чудеса. Его Десница и святая мышца Его спасла Его. Явил Господь спасение Свое, открыл перед народами правду Свою».

(4) Повинуясь этому повелению, воспоем новую песнь, ибо после мрачных зрелищ и ужасных повествований мы удостоились видеть и славословить то, что многие, жившие до нас, истинные праведники и мученики Божии желали видеть на земле и не видели, хотели слышать и не слышали. (5) Впрочем, эти люди поспешили получить награду гораздо большую: они восхитили себе в удел райское блаженство на небесах. Сознаём, что мы получили вовсе не по заслугам; мы приведены в величайшее изумление благодатью Виночника столь великих даров, благоговеем перед Ним всей душой и свидетельствуем истину Писания, в котором говорится: «Придите и видите дела Господа, какие чудеса сотворил Он на земле: прекращая войны до края земли, сокрушил лук, и переломил копье, и щиты сжег огнем». Радуясь, что воочию исполнилось это на нас, продолжим наш труд.

(7) Исчез (каким образом, об этом рассказано) весь род богоненавистников, он стерт с лица земли, и вновь исполнилось слово Божие:

«Видел я нечестивца величающегося и превозносящегося, как кедры ливанские. Я прошел мимо, и вот не было его; я искал место его и не нашел». (8) Теперь светлый и ясный день, не омрачаемый никаким облаком, озарил лучами небесного света церкви Христовы по всей земле. Даже тем, кто чужд нашему братству, ничто не мешает пользоваться, если не целиком, то хотя бы долей того, что даровано нам от Бога.

2

Все люди освободились от власти тиранов, избавились от прежних бедствий. Каждый исповедовал единого истинного Бога, поборника благочестивых, но у нас, возлагавших свою надежду на Христа, Сына Божия, радость была несказанная; каждое место, еще недавно опустошенное нечестием тиранов, дышало дивным ликованием, словно оживая после длительной смертельной заразы; мы видели, как от основания поднимались церкви, возносясь на недостижимую высоту в красоте большей, чем у церквей, разрушенных прежде.

(2) Между тем верховные правители издавали одно за другим постановления, расширявшие и укреплявшие великие дары Божии. Епископы лично получали от императора послания, почести, деньги. Уместно, пожалуй, в свое время начертать в этой книге, как на священной скрижали, перевод этих посланий с латинского языка на греческий, чтобы сохранились они в памяти потомков.

3

И вот, наконец, мы увидели то, о чем молились, чего так хотели: празднование в городах обновления и освящения только что построенных храмов, съезды епископов на эти празднования, стечение из различных стран разных народов, взаимно дружески расположенных, объединение членов тела Христова в один состав. (2) Согласно таинственному пророческому предсказанию о будущем, кость соединялась с костью, сустав с суставом; загадочные слова сбылись неложно. (3) Одна и та же сила Духа Божия проникала всех, всех одушевляла одна и та же ревностная вера; одной и той же песнью все восхваляли Бога. Богослужение предстоятелей и священнодействие священников стали совершенными, церковные обряды сделались благолепными; пение псалмов и слушание слов, переданных нам от Бога, сменяла Божественная таинственная служба с ее неизреченными символами спасительных страстей. (4) Люди всякого возраста, мужчины и женщины, обрадованные и укрепленные молитвой и благодатью, всей душой, всем умом величали Бога, Подателя благ. И каждый из присутствовавших предстоятелей произносил приветственную речь и, в меру своих сил, старался возвышать дух собрания.

4

Некий человек, в меру одаренный², написал слово и, выйдя на середину, в церковном собрании, произнес его в присутствии многочисленных пастырей, слушавших его внимательно и благопристойно, обращаясь к одному из них, превосходному, боголюбезному епископу, усердием которого выстроен был в Тире храм, самый прекрасный в Финикии.

Торжественное слово, сказанное Тирскому епископу Павлину по поводу созидания церквей.

(2) «Друзья Божии и священники, облекшиеся в священный подир,

получившие венец небесной славы, Божественное помазание и священническую одежду от Духа Святого!³ И ты, новое украшение храма Божия, почтенный от Бога старческой мудростью, явивший в делах и действиях svoju силу цветущей юности, которого Сам Господь, содержащий всю вселенную, почтил великой честью: ты воздвиг на земле дом Христу, Единородному и Первородному Сыну Его, Его Слову, и Его святой и Божественной Невесте! (3) Называть ли тебя новым Веселиилом, строителем Божественной скинии, или Соломоном, царем нового прекраснейшего Иерусалима, или новым Зоровавелем, сообщившим Божию храму новую, большую славу? (4) И вы также, овцы священного стада Христова, обитель добрых словес, училище смиренномудрия, боголюбезные и досточтимые слушатели!

(5) Раньше, внимая Священному Писанию, узнавая о чудесных проявлениях Божественного милосердия к людям, могли мы, получив такой урок, воспевать Богу: «Боже, мы слышали ушами своими, отцы наши возвещали нам о деле, какое сотворил Ты во дни их, во дни древние». (6) А ныне не по рассказам, не с чужих слов, мы сами созерцаем небесную десницу всемилостивого Вседержителя нашего; своими глазами в действительности видим мы, как в точности сбывается то, о чем с давних времен передавали по памяти. Ныне нам прилично воспеть другую победную песнь и громко воскликнуть: «Как слышали мы, так и увидели во граде Господа сил, во граде Бога нашего». (7) В каком же граде, как не в этом, только что построенном, богозданном, «который есть Церковь Бога Живого, столп и утверждение истины», о котором так возвещает другое Божественное слово: «Славное возвещается о тебе, град Божий»? И так как всемилостивый Господь благодатью Своего Единородного Сына избрал нас в этом храме, то пусть каждый из призванных славословит и призывает: «Возрадовался я, когда сказали мне: «пойдем в дом Господень»... Господи, возлюбил я благолепие дома Твоего и место жилища славы Твоей». (8) И не только каждый порознь, но все вместе, единым духом и единым сердцем возвеличим и благословим Его, говоря: «Велик Господь и всехвален во граде Бога нашего, на святой горе Его». Да, воистину Он велик и велик дом Его, высокий и просторный, благолепен видом пред очами сынов человеческих. «Велик Господь, единый творящий чудеса»; велик «творящий великое и непостижимое, славное и чудное без числа; велик «изменяющий времена и лета, низлагающий царей и поставляющий их, поднимающий нищего и бедного из грязи». Он низложил сильных с престолов и вознес смиренных от земли, алчущих исполнил благ и сокрушил руку гордых».

(9) Не только верующим, но и неверным подтвердил Он правдивость древних преданий, Он, Творец чудес, Совершитель великих дел. Владыка всего, Создатель всего мира, Вседержитель, Всеблагий, один и единственный Бог. Ему воспоем песнь новую, Ему, «единому творящему чудеса великие, ибо век милость Его: поразившему царей великих и убившему царей сильных, ибо век милость Его. Вспомнил нас Господь в уничижении нашем и избавил нас от врагов наших».

(10) Да не устанем благословлять таким образом Отца всяческих. Прославим в песнях и второго Виновника наших благ. Иисуса, Началоположника богопознания, Учителя истинного благочестия, Сокрушителя нечестивых, Карателя тиранов, Исправителя жизни нашей, спасшего нас, отверженных. (11) Он один, как единородный, всеблагий Сын всеблагого

Отца, подражая Отческому человеколюбию, с совершенной готовностью принял нашу природу, находившуюся в бездне погибели. И, как искуснейший врач ради спасения больных смотрит на страшное, касается отвратительного и за чужие страдания сам подвергается скорби, Он вылечил нас, не только больных, замученных страшными язвами и гнойными ранами, но уже поглощенных смертью, и исхитил из ее челюстей. Ни у кого из небожителей не было такой силы, чтобы неваредимо совершить дело такого спасения.

(12) Он один не убоился того, как глубоко мы испорчены и как поэтому страдаем; один понес наши болезни, один возложил на Себя наказание за наше нечестие, поднял нас из могил и гробниц не полумертвых, но уже разложившихся и зловонных; один прежде и теперь, сверх всякой нашей надежды, по Своему великому человеколюбию спас нас и вручил нам изобильные блага от Отца. Он — Податель жизни, ведущий к свету, наш великий Врач, Царь и Господь, Христос Божий. (13) Некогда весь род человеческий погибал, блуждал в непроглядной ночи и глубоком мраке под влиянием преступных богоненавистных демонов; Он явился и развязал крепкие узы наших беззаконий — они расплавились, словно воск на солнце. (14) И теперь, когда так велика благодать и оказано столько милости, ненавистный демон, виновник зла и враг добра, вооружил против нас все свои смертоносные силы. И прежде всего, подобно лютomu псу, который грызет зубами бросаемые в него камни и обращает свою ярость на бездушные предметы, которыми, защищаясь, в него бросают, он в зверском своем безумии кинулся на камни и на бездушный состав, из которого были построены храмы, в надежде опустошить через то наши церкви. Затем его страшный посвист и змеинное шипение послышались и в угрозах нечестивых тиранов, и в кощунственных распоряжениях злочестивых правителей. И еще он изрыгнул смерть (она его создание), отравлял губительным и смертоносным ядом уловленные им души, почти умерщвлял их посредством пагубного жертвоприношения бездушным идолам и возбуждал человекообразного зверя, всячески свирепствовавшего против нас⁴.

(15) Тогда великого Совета Ангел, великий Вождь Божий, опять внезапно явился вместе с мужественными воинами Своего Царства, достаточно закаленными в терпении и выдержке; все враги и противники исчезли, превратились в ничто, так что погибло и само имя их; друзей же и близких Своих Он прославил не только перед всеми людьми, но и перед небесными силами, перед солнцем, луной и звездами, перед всем небом и космосом⁵.

(16) И вот теперь, чего прежде никогда не было, верховные цари⁶, сознавая, что свой почетный жребий получили они от Бога, плюют в лицо бездушным идолам, попирают беззаконные установления демонов, осмеивают древние заблуждения предков и признают только единого Бога, Благодарителя всех и их самих, исповедуют Христа Сыном Божиим, Царем всех и всего, называют Его Спасителем в надписях, поставленных в середине царствующего города, царственно начертывают, для неизгладимой памяти, дела Его и победы над нечестивыми. Теперь единого от вечности Иисуса Христа, Спасителя нашего, величайшие земные властители почитают не как обычного царя, поставляемого людьми, но как истинного Сына Бога Вседержителя и поклоняются Ему как Богу.

(17) И по справедливости. Кто из бывших когда-либо царей настолько велик, что его имя произносят все люди и оно звучит у всех в ушах?

Какой царь, дав такие мудрые и благочестивые законы, смог достаточно ознакомить с ними всех людей, чтобы слышали их от края земли и до пределов вселенной? (18) Чьи кроткие и человеколюбивые законы изменили варварские и грубые нравы диких народов? С кем целые века боролись все и чья сверхчеловеческая мощь ежедневно обновляется во всем расцвете? (19) Кто разместил не в каком-то забытом углу земли, а по всей подсолнечной народ, о котором от века не было слышно? Кто оружием благочестия так оградил своих воинов, что в состязаниях с врагами душа их оказалась крепче алмаза? (20) Кто из царей настолько могуществен, чтобы и после смерти вести свои войска, воздвигать знаменья победы в каждой стране, в каждом городе эллинском и варварском и наполнять их царственными зданиями — Божиими храмами, благолепными, полными даров, как и этот храм? Они воистину величественны, достойны восторга и удивления и ясно свидетельствуют о Царстве Спасителя нашего, ибо и сейчас «Он сказал, и сделалось; Он повелел, и создано», ибо что могло противиться воле Вышнего Царя и Владыки, воле Самого Слова Божия? Но подробное объяснение и раскрытие этого предмета требует особого времени и слова.

(21) Однако, сколь высоко ни оценил усердие строителей этого храма прославляемый нами Бог, Он взирает и на наш одушевленный храм и созидает Себе дом из крепких живых камней. Его дом прочно утверждён «на основании апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем», который злые строители отвергли не только при созидании древнего, более не существующего, но и ныне во многих людях находящегося храма. Отец же, избрав этот камень, положил его во главу угла общей нашей Церкви.

(22) Под этим великим и поистине благолепным святилищем я разумею живой, созданный из нас самих храм Живого Бога, в котором самое внутреннее, сокровенное и для многих невидимое, как истинно святое и святое святых, кто дерзнул бы изобразить, хотя бы и увидел? Кто мог бы даже заглянуть за священную его завесу, кроме единого великого вселенского Первосвященника, Который один имеет право исследовать тайны разумной души?

(23) Может быть, то же позволено и другому, занимающему второе по Нем место, именно этому первенствующему вождю воинства, которого Сам великий Первосвященник почтил вторым местом священства в этом храме, пастырю вашего боголюбивого стада, доставшегося ему по жребию и суду Отца, как Божию служителю и провозвестнику, новому Аарону или Мелхиседеку, носящему на себе образ Сына Божия и общими молитвами всех вас имеющему сохранить его навсегда⁷. (24) Ему одному, после великого Первосвященника, должно принадлежать, если не первое, то второе место в надзоре и наблюдении за внутренними движениями ваших душ. Долговременный опыт позволил ему обстоятельно изучить каждого из вас, ревностно и заботливо внушил он вам расположение к порядку и благочестию и в том, что при помощи Божией совершил, может удобнее, чем кто-либо другой, дать отчет, соответствующий делам его.

(25) Наш великий Первосвященник сказал: «Что видит Отца творящего, то творит и Сын». Так и этот архиерей чистыми очами разума взирает на Первого, как на учителя, и что Он творит, то служит для него образцом, который он и воспроизводит с наивозможной точностью, ни в чем не уступая Веселилу, которого Сам Господь исполнил духом премуд-

рости, разума и всякого знания в искусствах и науках и призвал его к строительству храма, передав в символах небесные первообразы. (26) Так, всецело нося в своем сердце образ Христа, Который есть Слово, Мудрость и Свет, он воздвиг этот дивный храм Богу Всевышнему, по образцу храма лучшего, насколько видимое может передать невидимое. А с каким высоким чувством создал он это, какой богатой и щедрой рукой, какое при этом рвение и великодушие все вы показали своими пожертвованиями, с каким усердием старались быть ничем не ниже его замысла — того и выразить невозможно.

Нельзя умолчать и о том, что прежде всего он не презрел этого места, по умыслу врагов, заваленного всякой мерзостью, и не уступил злобе людей, бывших причиной этого. В городе можно было найти множество мест, где и работать было бы легко, и не требовалось хлопот. (27) Но он сперва приступил к делу сам, затем воодушевил своим усердием весь народ и, заставив руки всех действовать заодно, начал работу с этого первого подвига. Он считал, что Церковь, на которую особенно обрушились враги, которая прежде всех испытала скорби, вынесла те же гонения, что и мы, должна, как мать, лишившаяся детей, быть щедро одарена Подателем всех благ. (28) Итак, отогнав всех зверей, волков и все кровавожадное и лютое племя и, как говорит Священное Писание, «сокрушив челюсти львов», этот великий пастырь решил собрать своих чад воедино и построил приличный двор для своего стада, «чтобы постыдить врага и мстителя» и изобличить нечестивую дерзость богоборцев. (29) Теперь с этими богоненавистниками покончено, как будто их и не было. Ниспровергнув все за краткий срок, они и сами оказались ниспровергнуты и претерпели наказание: совершенно погубили себя, друзей и домашних, так что оправдались древние пророчества, начертанные на священных скрижалях. Истинным и в остальном оказалось слово Божие о них: (30) «Грешники извлекли меч и натянули лук свой, чтобы поразить бедного и нищего, убить праведных сердцем. Да войдет в их сердце их меч и да сломаются луки их; погибла память о них с шумом, имя их Ты изгладил во век и во веки веков, ибо, пребывая в беде, возопили они, и не было спасающего, возопили к Господу, и Он не услышал их; скованы были ноги их, и они упали, а мы встали и стоим прямо». И на глазах у всех оправдалось предсказание: «Господи, в граде Твоем Ты изничтожил образ их». (31) Так кончили жизнь те, которые, подобно исполинам, восстали на Бога. А забытая людьми пустыня за свое терпение по Боге стала такой, какой теперь видим, как пророчески возглашал о ней Исаия: (32) «Возрадуйся, пустыня жаждающая, ликуй, пустыня, зацвети, как лилия! И зацветет и возвеселится пустыня. Укрепитесь, руки опустившиеся и колена ослабевшие. Утешьтесь, малодушные, укрепитесь, не бойтесь. Вот Бог наш творит суд и будет творить его; Он придет и спасет нас, ибо забила в пустыне вода, и потоки — в земле жаждущей; безводная, она станет озером, и на жаждущей земле будут источники вод».

(33) Эти древние изустные предсказания были записаны в священных книгах, и теперь мы не только слушаем их, но видим их осуществление на деле. Эта безводная пустыня, эта беззащитная вдова, у которой двери «изрубили топорами, как рубят в лесу дрова; разрушили секирой и бердышом». Книги ее уничтожили, «сожгли огнем святилище Божие, и на земле осквернили жилище имени Его. Все проходившие мимо грабили ее и ломали ограду ее, подрывал ее лесной кабан и объедал ее одинокий

зверь». Эта пустыня дивной силой Христовой и Его волей процвела ныне, как лилия. Впрочем, и наказанию подвергалась она тогда по Его же воле, как заботливого Отца, ибо «кого любит Господь, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает».

(34) Наказанная в меру, как должно, получает она свыше повеление вновь возликовать; она расцветает, как лилия, и распространяет свое Божественное благоухание на всех людей, ибо «забила в пустыне вода» — источник Божественной и спасительной бани возрождения, и вот недавняя пустыня превратилась в озеро и по жаждущей земле потекла живая вода; руки, бессильно опустившиеся прежде, действительно окрепли; о крепости этих рук громко свидетельствуют великие и очевидные дела. Ноги, раньше утомленные и слабые, пошли обычной походкой прямо по пути богопознания, спеша к родному стаду всеблагого Пастыря. (35) Если же некоторые от угроз тиранов и упали духом, то спасительное слово и их не оставляет без помощи, но исцеляет их, убеждает искать утешения у Бога, говоря: «Утешьтесь, малодушные, укрепитесь, не бойтесь!»

Что эта церковь, ставшая по воле Божией пустыней, должна, по слову пророческому, после горького плена и мерзости запустения вкусить тех благ, это наш новый и доблестный Зоровавель услышал острым мысленным слухом. Он не презрел это мертвое тело, но прежде всего умилился Отца общими единодушными молитвами, а затем, призвав в соратники Того, Кто воскрешает мертвых, воздвиг падшую, сначала очистив ее и избавив от бед. И он облачил ее в одежду не старую, издревле носимую, но ту, которая была ему хорошо известна из Божественных пророчеств, ясно говорящих: «И будет последняя слава храма этого больше первой».

(37) Для этой церкви предназначил он пространство гораздо обширнее прежнего, и оградил его крепкой стеной, чтобы огражденное место было безопасным убежищем для каждого; (38) поставил величественные и высокие врата, устремленные к лучам восходящего солнца, дав таким образом возможность и стоящим за священной оградой ясно созерцать внутреннее. Он как бы приглашает и людей, чуждых нашей вере, обратить взоры на первый вход, так что никто не пройдет мимо, не вспомнив с глубокой скорбью о прежнем запустении, не удивившись нынешнему чуду. Он надеялся, что человека, проникнутого этой скорбью, сам вид церкви побудит войти внутрь⁸.

(39) Впрочем, вошедшему через врата внутрь он не позволил сразу же вступать в святилище нечистыми и немытыми ногами, но, оставив между храмом и вратами ограды весьма большое место, украсил его со всех сторон четырьмя полукруглыми портиками и придал ему вид четырехугольника, поддерживаемого везде колоннами. В промежутках между ними устроил деревянные решетки соразмерной высоты, а пространство между портиками сверху оставил открытым, чтобы видно было небо и проходил свежий, освещаемый солнечными лучами воздух. (40) Здесь, напротив храма, поместил он символы святого очищения, т. е. устроил источники, в изобилии дающие воду для омовения вступающим в церковный двор. Здесь останавливаются сначала все входящие и все видят эту благообразную красоту; это как раз место для нуждающихся в первоначальном наставлении. (41) На смену этому зрелищу другое: множество внутренних преддверий ведет ко входу в храм; на стороне, обращенной к солнцу, он устроил три двери, причем среднюю сделал выше и шире боковых (они,

словно телохранители при царице), украсил ее бронзовыми, на железном основании изваяниями и резьбой. (42) Точно такое же число преддверий расположено и в других портиках, по обеим сторонам храма; он придумал сделать над ними разные отверстия, чтобы зданию дать больше света, и украсил их тонкой деревянной резьбой.

Для самой базилики употребил он в изобилии материалы более драгоценные, не жалея никаких издержек. (43) Здесь, думаю, излишне описывать длину и ширину здания, его блистательную красоту и невыразимое величие, говорить о блестящих работах, мною только упоминаемых, о вздымающейся к небу вершине храма и о потолке его из драгоценных ливанских кедров, о которых не умолчало само Божие слово, говоря: «Возрадуются деревья Господни, кедр ливанские, которые Он насадил».

(44) Зачем мне повествовать подробно о мудром и искусном устройстве и красоте каждой части, когда свидетельство глаз делает излишним голос для слуха? Скажу только, что, завершив постройку храма, он украсил его возвышенными престолами в честь предстоятелей и, кроме того, седалищами, расположенными в стройном порядке по всему храму, а посредине поставил святое святых — жертвенник. Чтобы это святилище не для всех было доступно, он оградил его деревянной решеткой, искусно и тонко сработанной, приводящей в удивление созерцающих. (45) Не обошел он вниманием и пол — покрыл его превосходным мрамором и затем уже перешел к внешним частям храма: устроил по обеим боковым его сторонам очень большие притворы и помещения, соединяющиеся проходами со средней его частью. Эти пристройки миролюбивый наш Соломон, строитель Божия храма, сделал для тех, кто нуждается в очищении водой и Святым Духом, так что осуществилось в действительности пророчество, приведенное выше: (46) «последняя слава храма этого превзошла первую». Впрочем, этому и надлежало быть: если Пастырь и Владыка Церкви принял за нее смерть и тело, в которое Он облекся по причине ее нечистоты, после страданий преобразил в светлое и славное, т. е. искупленную плоть возвел из тления в нетление, то и она должна была подобным же образом насладиться домостроительством спасения. Приняв от Него гораздо лучшее обетование, она желает получить и гораздо большую славу пакибытия в воскресении нетленного тела, с ликами светлых ангелов, в пренебесном Царстве Божием вместе с Самим Христом Иисусом, Благотелем всех и Спасителем, в будущем веке.

(47) Однако и в настоящее время, будучи некогда одинокой вдовицей, а потом, по благодати Божией украсившись цветами, она стала, по словам пророка, воистину как бы лилией. Но выслушаем ее собственные слова, как она в одеянии невесты, с прекрасным венцом на голове вводится Исаией в хор, величающий Бога, Царя нашего, и воспевает Ему благодарственную песнь: (48) «Да возрадуется душа моя о Господе; ибо Он облек меня в ризу спасения и одеждою веселия одел меня, как на жениха, возложил на меня венец, как невесту, украсил меня убранством. И как земля производит растения свои и как сад произращает семена свои, так Господь проявит правду и славу перед всеми народами». Так ликует Церковь. (49) Послушай и то, как отвечает ей Небесный Жених, Слово, Сам Иисус Христос: «Не бойся, что покрыта позором, и не смущайся, что ты в поношении; ты забудешь вечный позор и не будешь более вспоминать поношения вдовства своего. Не как жену оставленную и малодушную призвал тебя Господь и не как жену от юности ненавистную, говорит Бог твой.

«На краткое время оставил Я тебя и с великой милостью восприму тебя» — так сказал Господь, Избавитель твой. (50) Восстань, восстань, испившая из рук Владыки чашу ярости Его; чашу падения и сосуд гнева ты испила до дна, и не было никого, кто бы утешил тебя, из всех детей твоих, которых ты родила, и не было никого, кто взял бы тебя за руку. Вот Я взял из руки твоей чашу падения, сосуд гнева Моего — ты не будешь больше пить из него, Я отдам в твои руки обижавших тебя и тебя унижавших. (51) Восстань, восстань, облекись в силу твою и облекись в славу твою, отряхни пыль и встань. Сядь и сними узы с шеи твоей. Возведи очи твои и погляди на собравшихся детей твоих. Вот собрались они и пришли к тебе. Живу Я, говорит Господь, и всеми ими ты облечешься, как убранством, и нарядишься ими, как невеста, ибо пустыни твои, и развалины, и разоренная земля твоя будут теперь тесны для жителей и поглощавшие тебя удалятся от тебя. (52) Скажут в уши твои сыновья твои, которых ты потеряла: тесно для меня место; отведи мне место, чтобы мне поселиться. И скажешь ты в сердце своем: кто мне родил их? Я вдова и бездетна; кто же воспитал мне их? Я была брошена; где же они были?»

(53) Вот что предсказал Исаия; так в священных книгах написано было о нас задолго. В неложности этих слов нам надлежало убедиться на деле. (54) Если так приветствует Свою невесту, священную и святую Церковь, ее Жених, Слово Божие, то этот украститель невесты воздвиг ее, запустевшую, лежавшую ниц, лишенную всякой человеческой помощи, и восстановил вашими общими молитвами и вашими руками, по воле Вседержителя, через явление силы Иисуса Христа. Восстановив, он устроил ее так, как научили его священные поорочества. Велико и выше всякого изумления это чудо, (55) особенно для людей, обращавших внимание только на внешнее. Чудо же из чудес — в обновлении первообразов и мысленных боголепных образов: я разумею Божественное и разумное здание души. (56) Сын Божий создал его по собственному образу, во всех отношениях богоподобным, одарил природой нетленной, бестелесной, разумной, чуждой всякого земного вещества, как самосознательную сущность, которую, приведя однажды в бытие из небытия, Он сделал святой невестой и священнейшим храмом для Себя и Отца. Это ясно выражено Им в словах: «Вселюсь в них и буду ходить в них; буду Богом их, и они будут народом Моим». Такова совершенная и чистая душа, рассматриваемая в первобытном ее состоянии как подобие Небесного Слова.

(57) Когда же по злобе и зависти коварного демона она произвольно предалась страстям и полюбила зло, Бог удалился от нее; покинутая защитником, она оказалась легко уловляемой в сети вражды и легко побеждаемой наветами тех, кто давно ей завидовал. Незримые враги и мысленные противники повергли ее ниц осадными орудиями и машинами; падение ее было столь велико, что от храма ее добродетели не осталось камня на камне, и она лежала на земле, как мертвая, лишенная всех врожденных ей помыслов о Боге. (58) Ее, падшую, созданную по образу Божию, опустошил не вепрь лесов, видимый нами, но демон-губитель и мысленные дикие звери, которые, воспламенив в ней страсти раскаленными стрелами своей злобы, сожгли огнем истинное святилище Божие и повергли на землю скинию имени Его; затем, засыпав несчастную грудой земли, отняли всякую надежду на спасение. (59) Но пекущееся о ней Слово, Божественный и спасительный Свет, справедливо наказав ее за ее преступления, подняло ее вновь, подражая человеколюбию всеблаготворного Отца.

(60) Прежде всего, предрасположив души высших царственных лиц, Оно очистило с помощью этих угодных Богу людей всю вселенную от всех злых нечестивцев и от страшных и богоненавистных тиранов. Затем, показав миру мужей, Ему известных, давно посвятивших Ему свою жизнь и тайно хранимых Им среди бури бедствий, Оно достойно почтило их великими дарами Духа, а потом с их помощью, как бы заступом и лопатой, оскоблило и очистило проникновенным учением души, незадолго до этого оскверненные и покрытые сором и илом безбожных внушений. (61) Таким образом, просветив ваш ум, Оно передало вас этому мудрейшему и боголюбивому руководителю. Он, муж благоразумный и рассудительный, испытывая и различая помыслы вверенных ему душ, не переставал назидать их с первого, можно сказать, дня своего служения до настоящего времени и располагать в стройном порядке в душах ваших то сверкающее золото, то пробное и чистое серебро, то благородные и драгоценные камни, осуществляя на деле таинственное, данное нам пророчество: (62) «Вот Я приготовил тебе рубин, камень твой, и в основание твое положил сапфир; и сделаю зубцы на стенах из яшмы, и ворота твои — из хрусталя, и ограду твою — из отборных камней. И все сыновья твои будут научены Богом, и глубокий мир будет у детей твоих, и ты утвердишься правдою».

(63) Домостроительствуя по справедливости, он распределил всех людей в зависимости от их достоинства⁹: кого окружил снаружи стеной — оградой крепкой веры (число людей, которых не в силах вместить больше, очень велико); кому поручил охранять входы и сопровождать входящих — их не без основания сравнивают с преддвериями храма; кого поставил первых столпов, окружающих четырехугольный двор, — этих он вводит в буквальное понимание четырех Евангелий; кого поместил у самых стен базилики — пока только оглашенных, но возрастающих и преуспевающих, уже близких к созерцанию глубочайших тайн веры. (64) Выбрав среди них души незапятнанные, очищенные, подобно золоту, в Божественной купели, он поставил одних у столпов, гораздо лучших, чем внешние, — утвердил их в таинственных и глубочайших догматах Писания; других осветил из отверстий, обращенных к свету. (65) Весь храм украсил он одним великим преддверием во славу единого Царя всех Бога, а по обеим сторонам величия Отчего поместил Христа и Духа Святого, как вторичное сияние Света. Вообще, каждой частью храма выразил он ясность и блеск истины во всей ее полноте и многообразии. Собрав везде и отовсюду живые крепкие камни душ, он устроил из них великий, царственный дом, исполненный блеска и света внутри и снаружи, ибо не только душа и ум, но и тело их сияет чистотой и смиренномудрием, будто многоцветным украшением.

(66) Есть в этом святилище престолы и многочисленные скамьи и сидения, т. е. в душах этих восседают дары Духа Святого, которые видны были когда-то у святых апостолов и которые обнаружилились в «разделяющихся, как бы огненных, языках, почивших по одному на каждом из них». (67) В начальствующем над всеми восседают Сам Христос, может быть, всецело; находящимся во втором ряду¹⁰ уделено Христовой силы и даров Святого Духа в соответствии с его местом. Скамьи — это души ангелов, приставленных к каждому для его наставления и охраны. (68) А что такое этот величественный, большой и единственный алтарь, как не пречистое святое святых общего нашего Иерея! Справа стоит Первосвящен-

ник всех — Иисус, Единородный Сын Божий; с радостным лицом, с распростертыми объятиями приемлет Он от всех благовонный фимиам и бескровные, невещественные жертвы молитв и воссылает их к Небесному Отцу и Богу всяческих, Которому прежде Сам поклоняется, Ему и воздает достойную честь, а затем просит, чтобы Он всегда был благ и милосерд ко всем нам.

(69) Таков этот великий храм, объемлющий всю вселенную, воздвигнутый великим ее Строителем — Словом и существующий на земле как мысленное подобие того, что превыше небесного свода, дабы вся разумная тварь на земле чтילה Отца и поклонялась Ему. (70) Но область, вышнюю небес, и образцы того, что мы здесь видим: Иерусалим, именуемый горним, небесную гору Сион и находящийся над всем этим миром град Бога Живого, в котором тьмы ангелов и Церковь первенцев, написанных на небесах, величают своего Создателя и Владыку всего неизреченными и непонятными для нас песнями богословия — ту область никто из смертных не может восхвалить по достоинству, ибо «не видел того глаз и не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его».

(71) Впрочем, удостоившись отчасти этих благ, все мы — мужи, жены и дети, малые и большие — вместе и единодушно не перестанем исповедовать и прославлять Подателя таких благ, «прощающего все беззакония наши, исцеляющего все болезни наши, избавляющего от гибели жизнь нашу, венчающего нас милостью и щедротами, исполняющего благами желания наши; потому что Он не по беззакониям нашим сотворил нам и не по грехам нашим воздал нам, но, как далек восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши. Как отец милует сыновей, так милует Господь боящихся Его».

(72) Оживляя это в памяти сейчас и во всякое время, созерцая мысленно, денно и ночью, всякий час, при каждом выдохе, любя и почитая всеми силами души Того, Кто собрал нас всех и послал нам этот светлый и радостный праздник, встанем и вслух будем умолять Его, да спасет и сохранит Он до конца нас, Свое стадо, да дарует нам вечный, ненарушимый и непоколебимый дар во Христе Иисусе, Спасителе нашем, через Которого Ему слава во веки веков. Аминь».

5

Приведем теперь постановления императоров Константина и Лициния в переводе с латинского языка.

Список императорских постановлений в переводе с латинского:

(2) «С давних пор, считая, что не следует стеснять свободу богопочитания, но, напротив, надо предоставлять уму и воле каждого заниматься Божественными предметами по собственному выбору, мы повелевали как всем другим, так и христианам хранить свою веру и свое богопочитание. (3) Но так как в указе, содержащем это разрешение, были упомянуты неопределенно многие и различные вероисповедания, то, возможно, некоторые вскоре лишились возможности хранить свою веру. (4) Когда же я, Константин Август, и я, Лициний Август, благополучно прибыли в Медиолан и обсуждали всё, что относится к общей пользе и благополучию, то среди прочего, что сочли мы во многих отношениях полезным для всех, решили прежде всего издать постановление, которое поддерживало бы страх Божий и благоговение, то есть даровать и христианам, и всем сво-

бодно, по своему собственному желанию выбирать веру, дабы небесное Божество, как бы Его ни называли, относилось благосклонно и к нам, и к подданным нашим. (5) Итак, руководствуясь здравым и правым смыслом, мы объявляем следующее наше решение: никому не запрещается свободно избирать и соблюдать христианскую веру и каждому даруется свобода обратить свою мысль к той вере, которая, по его мнению, ему подходит, дабы Божество ниспосылало нам во всех случаях скорую помощь и всякое благо.

(6) Угодно нам совершенно отменить посланные прежде твоему благочестию распоряжения относительно христиан, весьма нелепые и несовместимые с нашей кротостью. Отныне всякий, свободно и просто выбравший христианскую веру, может соблюдать ее без какой бы то ни было помехи. (7) Мы решили обстоятельно изъяснить это твоей попечительности, дабы ты знал, что мы даровали христианам полное право совершать богослужение. (8) Поскольку же им даруется неограниченная свобода, то твоей чести должно быть понятно, что дается свобода и другим, по желанию, соблюдать свою веру, что и соответствует нашему мирному времени: пусть каждый свободно, по своему желанию избирает себе веру. Так определено нами, дабы не казалось, будто мы умаляем достоинство какой-либо веры. (9) Кроме того, касательно христиан мы постановляем следующее: если места, в которых они раньше собирались и о которых в прежде присланной твоей чести грамоте предписано совершенно иначе, куплены у нашей казны или у кого-либо, то пусть их вернут христианам безвозмездно, без возврата заплаченной за них суммы, немедленно и беспрекословно. Равным образом получившие такие места в дар должны немедленно вернуть их христианам. (10) И если купившие эти места или получившие их в дар хотят просить за них от нашей доброты вознаграждения, то пусть обратятся в суд к местному правителю, и наша милость не оставит их просьбы без внимания. Все это твоей заботливостью должно быть возвращено христианскому обществу без промедления. (11) И так как христианам принадлежали не только те места, где они обычно собирались, но и другие, составлявшие собственность не частных лиц, а целого общества, то согласно закону, только что нами изложенному, ты распорядишься без всякого промедления вернуть их христианам, т. е. всему их обществу и каждому собранию, соблюдая, конечно, и упомянутое указание о том, чтобы вернувшие те места безвозмездно рассчитывали на вознаграждение от нашей доброты¹¹. (12) Во всем этом ты должен оказать вышеупомянутому обществу христиан всяческое содействие, дабы наше распоряжение осуществилось как можно скорее и проявилась наша забота об общем народном спокойствии. (13) За такие дела, как сказано выше, благоволение Божие, испытанное уже нами во многих случаях, да пребудет с нами во все времена. (14) А чтобы закон этот, свидетельствующий о нашем благожелательстве, был доведен до сведения всех, распорядись написанное нами обнародовать всюду и сообщить всем, дабы закон, данный по нашей доброте, оказался всем известен»¹².

(15) Список другого императорского постановления, разрешающего давать дарения только католической Церкви.

«Здравствуй, почтеннейший Анулин!»¹³. Любя доброе, мы не намерены посягать на чужую собственность, но хотим, чтобы она была, почтеннейший Анулин, возвращена владельцу. (16) Посему мы желаем, чтобы, по получении этой грамоты, ты немедленно приказал вернуть христианам католической Церкви¹⁴ в каждом городе или в других местах все, что им

принадлежало и что теперь находится во владении или граждан, или иных лиц, ибо мы постановили вернуть церквям их прежнюю собственность. (17) Если же ты, благочестивый, ясно видишь смысл этого повеления нашего, то озаботься, чтобы сады, дома, вообще все, принадлежавшее этим церквям, было целиком и как можно скорее возвращено им. Мы желали бы знать, что ты с величайшей точностью выполнил это наше повеление.

Будь здоров, почтеннейший и любезнейший Анулин!»

(18) Список императорского письма, которым повелевается быть в Риме Собору епископов для единения и единомыслия¹⁵.

«Константин Август — Мильтиаду, епископу Римскому, и Марку¹⁶.

От Анулина, светлейшего проконсула Африки, поступило ко мне много важных сообщений о том, что Цецилиана, епископа Карфагенского, некоторые его африканские соепископы во многом обвиняют. Мне особенно прискорбно, что в тех провинциях, которые Божий Промысл вручил мне с их добровольного согласия, притом очень многолюдных, находятся люди, разделяющиеся как бы на партии, и даже между епископами возникают споры и разногласия. (19) Мне думается, пусть Цецилиан с десятью епископами, которые его обвиняют, и с десятью другими, которых он возьмет как необходимых защитников, прибудет морем в Рим, чтобы там в присутствии вас, а также Ретиция, Матерна и Марина¹⁷, соепископов ваших, которым я велел также поспешить в Рим, можно было его выслушать; как вы знаете, это соответствует священнейшему закону.

(20) А чтобы вы могли иметь самые полные сведения обо всем этом, я разослал упомянутым соепископам вашим вместе с письмом моим и копии документов, присланных мне Анулином. Ознакомившись с ними, вы, люди твердые, решите, как следует обсудить это дело и вынести справедливое решение. От вашего внимания, конечно, не укроется, с каким почтением отношусь я к законной католической Церкви, поэтому и хочу, чтобы вы нигде не допустили ни раскола, ни разногласия.

Великий Бог да сохранит вас, почтеннейший, на многие лета».

(21) Список императорского письма, которым назначается второй Собор для разрешения всякого разногласия между епископами.

«Константин Август — епископу Сиракузскому Христу. Уже давно некоторые люди стали отходить от почитания святой небесной Силы и от католической Церкви. Желая положить конец этим ссорам, я распорядился пригласить из Галлии некоторых епископов, а также вызвать из Африки постоянно и упорно спорящих друг с другом представителей враждебных сторон, чтобы в общем собрании и в присутствии Римского епископа вопрос, вызвавший это смятение, можно было тщательно обсудить и уладить. (22) Но некоторые, как это бывает, забыв о своем спасении и о благоговении, которое должно оказывать святейшей вере, и не думают прекращать свои ссоры. Они не желают подчиниться вынесенному решению¹⁸, утверждая, что лишь малое число людей высказало свое мнение и что не были предварительно и тщательно разобраны все необходимые обстоятельства рассматриваемого дела и решение было вынесено с поспешностью и горячностью. От всего этого и происходит, что те, кто должны бы иметь братское единодушие, находятся в постыдном, даже гнусном, разделении и подают людям, далеким от святейшей веры, повод для насмешек. Поэтому я счел своим долгом озаботиться, чтобы это дело, которому следовало быть оконченным после вынесенного решения с общего согласия, хотя бы теперь в присутствии многих пришло к концу.

Итак, я распорядился, чтобы к календам августа весьма многие епископы из самых разных мест собрались в городе Арелате, и решил написать тебе, чтобы ты получил от светлейшего Латрониана, правителя сицилийского, разрешение воспользоваться государственной почтой¹⁹. Возьми с собой, по своему выбору, двух духовных лиц второй степени²⁰ и трех слуг, которые прислуживали бы вам в дороге. Надо прибыть тебе на место в назначенный день, чтобы и ты своей твердостью, и остальные своим единомыслием и единодушием покончили с этим постыдным раздором. Выслушав все, что скажут спорящие лица, которым мы тоже велели явиться, можно будет, хотя и не сразу, склонить их к подобающему богочитанию, к вере и братскому единомыслию.

Бог Вседержитель да сохранит тебя здоровым и невредимым на многие лета».

6

Список императорского письма о выдаче Церквам денег.

«Константин Август — Цецилиану, епископу Карфагенскому.

Угодно мне некоторых известных служителей святейшей кафолической веры во всех епархиях Африки, Нумидии и Мавритании снабдить кое-чем на расходы. Я написал Урсу, знаменитейшему африканскому казначею, чтобы он позаботился отсчитать тебе 3000 фоллиев²¹. (2) Ты же, получив указанное количество денег, вели раздать их всем лицам, названным в списке, который прислал тебе Осия²². (3) Если ты увидишь, что чего-то не хватает, чтобы полностью удовлетворить всех по моему решению, можешь требовать, сколько сочтешь нужным, от управляющего моими именами Гераклида²³, которому я приказывал лично в случае, когда ты попросишь у него денег, выдать их тебе без всякого отлагательства.

(4) До сведения моего дошло также, что некоторые люди с неустойчивыми мыслями хотят отвратить народ от святейшей кафолической Церкви лживыми и постыдными наставлениями. Поэтому да будет тебе известно, что проконсулу Анулину и Патрицию, заместителю префекта, я дал приказание между прочим иметь особенное наблюдение и за этим, никак не пренебрегая подобными случаями. (5) Итак, если ты заметишь людей, упорствующих в этом безумии, то без всяких сомнений обратись к названным судьям и извести их об этом, чтобы подобных людей, следуя моему, лично им данному приказу, они подвергали наказанию.

Божественность великого Бога да хранит тебя на многие годы».

7

Список императорского письма с приказом освободить предстоятелей Церквей от всех общественных обязанностей.

«Здравствуй, наш почтеннейший Анулин. Так как во многих случаях обнаруживается, что пренебрежение к вере, которой охраняется высочайшее благоговение к Святейшему Небесному Существо, влечет за собой великие народные бедствия, а соблюдение ее, согласное с законами, доставляет, по благоговению Божию, великое благополучие Римскому государству и всем человеческим делам особенное счастье, то нами решено, почтеннейший Анулин, что мужи, отличающиеся должной святостью, повинующиеся закону и отдающие свои силы на службу Божественной вере,

должны получить награду за свои труды. (2) Поэтому лиц, находящихся во вверенной тебе провинции и состоящих в Церкви, во главе которой стоит Цецилиан, отдавших себя на служение этой святой вере (обычно их называют клириками), желаю я раз навсегда освободить от всех общественных обязанностей²⁴, дабы не были они отвлекаемы от служения Богу каким-нибудь обманом или святотатственным поползновением, но без всякой помехи исполняли свой закон. Если они будут служить Богу со всей ревностью, то это принесет много пользы и делам общественным.

Будь здоров, почтеннейший и любезнейший Анулин».

8

Так одарила нас Божественная и небесная благодать явившегося Спасителя, таково было изобилие благ, которые доставил людям мир с нами. И это благоденствие наше сопровождалось радостью и торжествами. (2) Но для любителя зла и ненавистника добра — демона зрелище это было невыносимо, равно как и для Лициния бедственная участь прежде упомянутых тиранов была недостаточным уроком благоразумия. Он был хорошим правителем; великий император Константин удостоил его второго после себя места и высокой чести породниться с ним, однако он оставил стезю добра и пошел дурной дорогой безбожников-тиранов. Собственными глазами видел он страшный конец их жизни, но предпочел скорее разделить их образ мыслей, чем сохранить дружбу и расположение лучшего из государей. (3) Полный зависти к тому, кто осыпал его благодеяниями, он начал с ним преступную и жестокую войну, не соблюдая ни законов природы, не вспоминая ни о клятвах, ни о родственной крови, ни о договорах. (4) Император, облагодетельствовавший его, дал ему доказательство своего искреннего расположения, не счел унижительным породниться с ним, не отказал в блистательном браке со своей сестрой, но удостоил кровной близости с благородным древним царским домом, предоставил, как зятю и соправителю, полную власть распоряжаться не меньшей частью народов, подвластных Риму²⁵. (5) Лициний действовал наоборот: ежедневно затевал всякого рода козни против лучшего из государей, словно сознательно придумывал, как бы заплатить злом своему благодетелю. Сначала он пытался скрыть свои умыслы, притворяясь другом и надеясь хитростью и обманом легче достичь своей цели. (6) У Константина же другом, защитником и хранителем был Бог, Который весь заговор, затевавшийся против него тайно и во мраке, вывел наружу. Благодетельство — сильное оружие как в борьбе с врагами, так и в охранении нашего собственного спасения. Оградившись им, наш возлюбленный Богом император избежал хитрых козней злоименного²⁶ врага. (7) Видя, что тайные козни ему не удаются, ибо возлюбленному Своему государю Бог открывал все коварства и обманы соправителя, Лициний, не имея более возможности скрываться, начал открытую войну. (8) Но, решившись воевать с Константином, он приготовился восстать и на Бога всяческих, Которого, как знал он, чтит Константин. Он начал мало-помалу преследовать своих благочестивых подданных, нигде и никак не выражавших недовольства его властью; врожденная злобность заставляла его пренебречь всем. (9) Он начисто забыл о тех, кто до него преследовал христиан, и о тех, кого он сам казнил и наказывал за их нечестие²⁷. Потеряв здравый смысл, окончательно обезумев, он решил воевать с Самим Богом — не с Константином, которому Бог помогал, а с Самим его Помощником.

(10) Прежде всего, он выгнал из своего дворца всех христиан и тем, несчастный, сам себя лишил их молитв пред Богом, которые, по обычаю и учению своих предков, они возносят за всех. Затем он распорядился уволить со службы в каждом городе и лишить звания всех воинов, которые не принесут жертвы демонам. Но это были пустяки сравнительно с большими притеснениями. (11) Впрочем, зачем перечислять отдельно и подробно поступки этого богоненавистника и говорить о законах самых незаконных, которые придумал этот преступивший все законы человек? Он, например, указом запретил всем из человеколюбия подавать пищу заключенным в тюрьмах страдальцам, жалеть изголодавшихся узников и вообще запретил быть добрыми и делать добро по естественному чувству сострадания к ближним. Согласно закону, крайне жестокому и постыдному, противному природной доброте, сострадательные люди должны были терпеть одинаковое наказание с теми, кому они сострадали: их заковывали и сажали в тюрьму — человеколюбцев наказывали, как преступников.

(12) Таковы были распоряжения Лициния. Надо ли перечислять его нововведения в законах касательно брачащихся и умирающих? Он осмелился отменить древние римские законы, справедливые и мудрые, и вместо них ввел какие-то варварские и жестокие, несправедливые и действительно незаконные и противозаконные. Он выдумал тысячи предлогов, чтобы всячески вымогать золото и серебро у покоренных народов, пережевывать землю и взыскивать налоги даже с тех земледельцев, которые уже не жили в деревнях и давно умерли. (13) А куда только не ссылали совершенно невинных людей этот человеконенавистник, каких знатных и достойных мужей не сажал под арест, отдавая их законных жен на позор и поношение своим гнусным прислужникам?! Сколько замужних женщин и чистых девушек обесчестил этот дряхлый старик²⁸, чтобы удовлетворить свою безудержную похоть! Но зачем распространяться об этом? Скажу коротко, что его первые поступки кажутся маловажными и не стоящими обличения сравнительно с тем, что сделал он напоследок.

(14) Дойдя до предела безумия, устремился он на епископов, видя в них, служителей Бога всяческих, противников своей деятельности. Действовал он из страха перед Константином не в открытую, а тайком и хитро и погубил своими кознями самых знаменитых²⁹. Способ убийства был удивительный, доселе не слыханный. (15) То, что было сделано в Амасии и прочих городах Понта, превзошло самую крайнюю жестокость. Там одни церкви были разрушены до основания, а другие заперты, чтобы нельзя было их обычным посетителям собраться и совершить службу Божию. (16) Зная свое зло, он думал, что молитвы возносятся не за него, и был убежден, что мы всё делаем только для боголюбивого императора и молим Бога быть милостивым только к нему; потому он и обрушил на нас весь свой гнев. (17) Лестцы из числа его наместников, желая угождать нечестивцу, подвергали епископов таким наказаниям, каких достойны только злодеи, и невинных мужей без всякого расследования брали под стражу и наказывали, как убийц. Конец же некоторых из них был дотоле невиданным: тела их разрубали мечом на многие части и после такого варварского зрелища бросали их в морскую пучину на съедение рыбам.

(18) После этого снова началось бегство благочестивых людей, и опять слуг Христовых приютили поля, и опять пустыни, леса и горы. И так как нечестивцу удавались его меры, то он задумал в дальнейшем начать общее гонение христиан. (19) Он исполнил бы свое намерение — ибо ничто

не препятствовало ему перейти к делу, — если бы Бог, Поборник преданных Ему душ, предвидя, что случится, не зажег, словно в глубоком мраке и непроглядной ночи, яркий и спасительный для всех светильник — если бы «рукою крепкий» не привел в те страны Своего слугу Константина.

9

Бог ниспослал ему свыше победу как достойную награду за благочестие, а злодея со всеми его советниками поверг к ногам Константина. (2) Лициний в своих действиях против него дошел до пределов безумия, и тогда возлюбленный Богом император пришел к благоразумному выводу, что больше терпеть его нельзя. Соединяя строгость правосудия с человеколюбием, он решил помочь тем, кого обездолил тиран, и, устранив нескольких злодеев, спасти большую часть людей. (3) Константин до этого времени относился к Лицинию человеколюбиво и жалел его, недостойного жалости, но это ни к чему не повело: злобности в нем не стало меньше, напротив, он еще более увеличивал ярость против подвластных ему народов; угнетенным, замученным этим страшным зверем надежды на спасение не оставалось. (4) Поэтому защитник правды, питавший любовь к добру и ненавидевший зло, подал руку помощи погибавшим и выступил в поход вместе с сыном своим Криспом. А так как их вели и помогали им Бог и Спаситель всех, Сын Божий, то отец и сын, разделив свое войско, окружили богоненавистников и легко одержали победу, ибо все облегчал им Бог. (5) И вот те, кто еще вчера и позавчера дышали смертью и угрозами, исчезли вдруг, быстрее слова, так что и имен их не вспоминали. Их портреты и знаки почестей подверглись заслуженному поруганию. Лициний претерпел то же самое, что некогда перед его глазами понесли нечестивые тираны, претерпел за то, что не принял уроков благоразумия, не вразумился бичами, поразившими его близких, но пошел той же дорогой нечестия и, конечно, пришел к той же пропасти, что и они. (6) И в то время, как он лежал повергнутый, великий победитель Константин, осененный силой благочестия, вместе с сыном Криспом, боголюбвейшим и похожим во всем на отца, принял в собственное владение Восток и объединил Римскую империю, по-древнему, под одной властью, подчинив мирному своему скипетру всю землю от восхода солнца и до крайнего Запада, равно как и страны на севере и юге. (7) У людей исчез всякий страх, в котором прежде держали их мучители. Теперь наступили радостные и торжественные дни многолюдных празднеств: всё исполнилось света. Люди, раньше ходившие с поникшими головами, теперь приветливо улыбались друг другу. По всем городам и деревням устраивали хороводы и пели хвалебные песни, которыми христиане прославляли, как были научены, во-первых, Бога Вседержителя, а затем благочестивого императора со всеми его боголюбивыми детьми.

(8) Забыты были прежние бедствия и нечестие; все наслаждались настоящими благами и, сверх того, ожидали будущих. Всюду обнародованы человеколюбивейшие постановления победоносного государя и законы, свидетельствующие о его щедрости и истинном благочестии. (9) Уничтожены были все следы тирании; твердая и никем не оспариваемая царская власть принадлежала Константину и его сыновьям. Изгладив все следы нечестия прежних властителей и осознав, что столько благ даровано им Богом, они проявили свою любовь к добру и к Богу, благодарность Богу и благочестие, обнаруживая эти добродетели перед людьми в своих делах.

К книге седьмой

¹ Ермаммон был, по-видимому, епископ Египта.

² Деций, по мысли Дионисия, погиб за преследование христиан. При Галле Римский епископ Корнилий был сослан в Центумцеллы (городок недалеко от Рима), где и скончался; его преемник Луций был тоже сослан.

³ Спор о перекрещивании еретиков принял острую форму по причине упрямства Стефана, пригрозившего отлучением всем, кто с ним не согласен. Письмо Дионисия к Стефану датируется 254 г.

Дионисий и Филимон — римские священники.

⁴ «Папой» именуются в это время все епископы. Первоначально оно значило «отец». Иракл был епископом Александрийским в 231—232 гг.

⁵ Об этих Соборах мы почти ничего не знаем. Икония и Синнада — города в Малой Азии.

⁶ Новатиан не был еретиком и никаких новых догматов не вводил. Ошибался он в своем отрицании Христова милосердия.

⁷ Оглашенные перед Крещением произносили свое исповедание.

⁸ Лицо неизвестное.

⁹ Галл и его сын были убиты в 253 г. Валериана, командовавшего легионами на Рейне и Верхнем Дунае, солдаты провозгласили императором. Он взял соправителем сына своего Галлиена.

¹⁰ Макриан был, говоря современным языком, министром финансов.

¹¹ Дионисий производит его имя, по-видимому, от «makros» — «далекий», «удаленный».

¹² Отрывок из письма Дионисия к Герману (см.: *Евсевий Памфил. Церковная история*, VI, 40).

¹³ Префект Египта при Галлиене.

¹⁴ Максим стал преемником Дионисия на Александрийской кафедре; Фавст пострадал при Диоклетиане; Евсевий — будущий епископ в Лаодикии Сирийской; «один из римских братьев» — Марцелл, упоминаемый ниже. Он, вероятно, прибыл в Александрию с письмами от Римской Церкви.

¹⁵ Валериан запретил христианам посещать свои кладбища и устраивать там собрания.

¹⁶ Место неизвестное.

¹⁷ Т. е. из Александрии.

¹⁸ Место неизвестное.

¹⁹ Лица неизвестные.

²⁰ См.: *Евсевий Памфил. Церковная история*, VI, 40, 6.

²¹ Приморский город в 150 км от Александрии.

²² В это время по всему Средиземноморью свирепствовала чума.

²³ В 260 г.

²⁴ Христиане возвращались к тому же положению, в каком были до преследования Валериана. Признание за Церковью права собственности имело большое значение.

²⁵ Т. е. в царствование Галлиена.

²⁶ Законы эти нам неизвестны, но нет основания сомневаться в их существовании.

²⁷ Рассказ этот пользовался у древних христиан большой популярностью; считалось, что памятник, описанный Евсевием, изображал Христа. На самом деле статуя изображала Асклепия, на что указывает и наличие всеисцеляющей травы. Интересно упоминание об иконах Петра, Павла и Христа.

²⁸ Дометий и Дидим (см.: *Евсевий Памфил. Церковная история*, VII, 11, 20). О времени празднования Пасхи спорили еще во время Дионисия.

²⁹ Мятеж в Александрии. Макрина, выступившего против Валериана, признали императором в Египте.

³⁰ Т. е. крепких, сильных.

³¹ В Александрии, следовательно, как и в Риме, существовал особый хлебный фонд, откуда людям, занесенным в особые списки, ежемесячно выдавалось зерно.

³² О разнице отношения христиан и язычников к больным чумой говорит и св. Киприан, рассказавший в своем трактате «De mortalitate» о чуме в Карфагене.

«Собственный писатель» — Фукидид (V в. до Р. X.); его описание чумы в Афинах см. в его «Истории» (2, 64). Мандонии рассказал о чуме, бывшей в Милане в XVIII в. Во всех этих описаниях много общих черт.

³³ Галлиен был провозглашен Августом в 253 г. После поражения Макриана Галлиен был вторично провозглашен Августом в 261 г.

- ³⁴ Праздник Пасхи.
- ³⁵ Непот был епископом Арсинон в Фрайуме.
- ³⁶ Вероятно, Непот нападал, главным образом, на Оригена.
- ³⁷ Днионсий имеет в виду учеников Непота; Непота уже не было в живых.
- ³⁸ Кто были эти учителя — неизвестно.
- ³⁹ Коракион — лицо неизвестное; во время дискуссии он возглавлял последователей Непота.
- ⁴⁰ См.: Евсевий Памфил. Церковная история, III, 28, 4—5.
- ⁴¹ Язык Апокалипсиса тщательно изучен в книге: В. Aill. S. Jean. L'Apocalypse. Paris, 1939.
- ⁴² Город в Киренаике.
- ⁴³ Сохранились отрывки: два больших — у Евсевия (Praeparatio Evangelica) и четыре очень коротких опубликовано в: К. Holl. Fragmente vornehmlich Kircheväter. Leipzig, 1899.
- ⁴⁴ Утеряна.
- ⁴⁵ «Хроника» Евсевия, относя избрание Днионсия, преемника Ксиста, к 266 г., ошибается. Папа Ксист II был казнен вместе с четырьмя диаконами в 258 г.; Днионсий занял епископскую кафедру в 259 г.
- Димитриан был сослан вместе с другими антиохийцами персидским царем Сапором, взявшим Антиохию в 256 г.
- ⁴⁶ О Павле Самосатском см.: G. Bardy. Paul de Samosate. Louvain, 1929. Первый Собор против Павла был собран в 264 г.
- ⁴⁷ О всех этих лицах см. указанную работу G. Bardy.
- ⁴⁸ В 264 г.
- ⁴⁹ Галлиен был убит в июле или августе 268 г.; на престол вступил Клавдий II.
- ⁵⁰ Осенью 268 г.
- ⁵¹ Лиц, руководивших первым Собором, ко времени второго уже не было в живых; скончались Фирмилиан Каппадокийский, Григорий Чудотворец и его брат. Во главе епископов, собравшихся в Антиохии, стоял Елен, епископ в Тарсе. Именей был епископом в Иерусалиме, Феофил — в Тире, Феолект — в Кесарии, Максим — в Бостре, Никомас — в Иконии, остальные неизвестны.
- Болан — сирийское теофорное имя, часто встречавшееся в г. Пальмире.
- ⁵² Павел занимал мирскую должность, оставаясь епископом; св. Киприан упоминает о таких же случаях («О падших», 6). Павел был прокуратором, т. е. управлял финансами; дуденариями назывались прокураторы, получавшие жалование в 200 000 сестерциев; положение их на иерархической лестнице было высоким.
- ⁵³ Соборные акты; стенографическая запись спора между Павлом и Малхионом.
- ⁵⁴ См.: Евсевий Памфил. Церковная история, V, 28.
- ⁵⁵ Домн был избран в 268 г., но смог занять епископскую кафедру только после того, как римляне опять овладели Антиохией в 271 или 272 г.
- ⁵⁶ Речь идет о Мани и манихействе (см.: H. Ch. Puech. Mani et manichisme). Диоклетиан издал указ против манихеев в 302 г.
- ⁵⁷ Сообщение большой важности. Впервые видим правоверного христианина, преподающего философию Аристотеля (см.: A. J. Festugière. L'idéal religieux des Grecs et l'Evangile. Paris, 1932).
- ⁵⁸ В конце III и начале IV века число образованных церковных деятелей значительно увеличивается.
- ⁵⁹ «Феодот» значит «данный Богом». Он был епископом Лаодикийским до Никейского Собора.
- ⁶⁰ О Памфиле см.: Евсевий Памфил. Церковная история, VI, 32, 3 и «Палестинские мученики».
- ⁶¹ О Пиерни мы знаем мало; Мелетий был епископом в Севастополисе.

К книге восьмой

¹ Жена Диоклетиана Приска и его дочь Валерия были, по словам Лактанция, христианками.

² Нет основания оспаривать слова Евсевия, но мы знаем только о церкви в Дура-Европосе, построенной до 256 г., и о церкви в Эммаусе, относящейся ко времени Элагабала. В Риме найдены были остатки церквей, сооружение которых археологи относят к III веку. О христианских церквях на Востоке см.: J. P. Kirsch. Die vorkonstantinischen christlichen Kultgebäude im Lichte der neuesten Entdeckungen im Osten. Römisch Quartalschrift, 44, 1933, с. 15.

³ Евсевий, может быть, сгущает краски: не следует забывать, что в III веке было много святых епископов. Были, однако, и епископы типа Павла Самосатского (см.: Св. Киприан Карфагенский. Письма, 11, 2 и «О падших», 6).

⁴ Эдикт против христиан был вывешен в Никомидии 24 февраля 303 г.; до Палестины он дошел только в конце марта, накануне праздника Пасхи. Текст эдикта до нас не дошел.

⁵ Даты второго и третьего указов в точности не определены.

⁶ Нельзя ли объяснить это иначе? Преследование христиан не нашло сочувствия в широких народных кругах: христиан вызволяли из беды грубоватым, но верным способом, причем действует простонародная толпа, городская чернь, которая и у Евсевия, и у свят. Киприана представлена лютой ненавистницей христианства. При Диоклитиане она его оберегает: христианство, видимо, сделало к этому времени большие успехи.

⁷ Галерий, сопровитель Диоклитиана, по словам Лактанция, убедил Диоклитиана начать преследование.

⁸ Чистка армии началась около 295 г.

⁹ В своей «Хронике» Евсевий называет его Ветурием.

¹⁰ Диоклитин и Галерий.

¹¹ По словам Лактанция, его сожгли. Очень странно, что Евсевий не называет имени этого смельчака и мученика. Предположений об его имени было высказано много; прав, вероятно, О. Делаэ, считающий, что мученик звался Эветием: это имя упомянуто в сирийском Маттирологе среди никомидийских мучеников под 24-м февраля — с этого дня началось преследование (H. Delehayе. Les origines du culte des martyrs. Bruxelles, 1912).

¹² Память св. Петра Никомидийского празднуется 12 марта.

¹³ Она находилась в Каппадокии (Малая Азия).

¹⁴ Это был второй указ о преследовании. Поводом к нему послужила попытка трибуна Евгения захватить власть: солдаты провозгласили его императором.

¹⁵ Евсевий был сам в это время в Тире; он рассказывает как очевидец.

¹⁶ Филором и Филеас неоднократно упоминаются в Иеронимовом Маттирологе (см. H. Delehayе. Les martyrs d'Egypte).

¹⁷ Обитатели нома (округа) Тмус.

¹⁸ Евсевий не называет его имени, но Рамсей считает, что это была Эвмениа (Ramsay. Cities and Bishopries of Phrygie, 1897).

¹⁹ О мучениках в Аравии мы ничего не знаем.

²⁰ О мучениках в Каппадокии и Месопотамии см.: H. Delehayе. Les origines du culte des martyrs.

²¹ Евсевий, вероятно, вспоминает мученичество св. Варлаама.

²² Речь идет о св. Пелагии, похвальное слово которой произнес св. Иоанн Златоуст (см.: H. Delehayе. Les légendes hagiographiques. Bruxelles, 1927).

Церковь к таким самоубийствам относилась по-разному; блж. Августин, например, их осуждал.

²³ Святые Домнина, Вероника и Просдокия. Память их празднуется, по Маттирологу Иеронима, 15 марта.

²⁴ Имена их неизвестны.

²⁵ О преследовании в Понте мы знаем из речи св. Григория Назианзина, произнесенной им над гробом св. Василия Великого. Дед и бабка св. Василия, спасаясь от преследования, скрывались в горах. Многие христиане бежали в Армению и Персию, где были гостеприимно приняты.

²⁶ Указ об этом относится к 307 г. О жизни осужденных на работу в медных рудниках Фено см.: «Палестинские мученики».

²⁷ Анфим был казнен в 303 г. О Лукиане см.: G. Bardy. Recherches sur s. Lucien d'Antioche et son oncle. Paris, 1936. Странно, что Евсевий говорит о потоплении Тиранниона в море: Антиохия — не приморский город.

²⁸ Пелей и Нил; см. о них: «Палестинские мученики» и H. Delehayе. Les martyrs d'Egypte.

²⁹ Он был казнен 25 ноября 311 г. После его смерти казни в Египте прекратились. Св. Афанасий связывает конец преследования со смертью св. Петра Александрийского.

³⁰ Отречение Диоклитiana и Максимiana 1 мая 305 г. Было оно неожиданным, и поныне еще историки не выяснили его причин. Отрекшихся заменили. Августы — Галерий, Констанций Хлор; Кесари — Север, Максимин Дака. Империя разделилась: Гале-

рий взял себе Иллирию и Малую Азию, Максимин — остальной Восток, Констанций Хлор — Галлию и Британию, Север — Италию, Испанию и Африку.

³¹ Констанций Хлор скончался 25 июля 306 г. в Британии. Британское войско объявило его сына Константина Августом. Галерий не признал за ним этого титула: вторым Августом он объявил Севера, а Константину дал титул Кесаря.

Христиане сохранили благодарную память о Констанции Хлоре, который в ответ на все императорские эдикты о преследовании ограничился только разрушением нескольких церквей.

³² Максимин был провозглашен Августом своим войском в начале 308 г. Он и Константин были признаны Галерием только в 310 г.

³³ Речь идет о Максимине. Уничтожению его статуй и надписей в его честь, так называемой *damnatio memoriae*, подвергли и Нерона, и Домициана.

³⁴ После отречения Диоклитiana и Максимиана начался ряд междоусобных войн.

³⁵ Десятый год — 312—313, восьмой — 310—311.

³⁶ Речь идет о Галерии.

³⁷ Это «Дополнение» сохранилось только в некоторых рукописях.

К книге девятой

¹ О Сабине упоминает только Евсевий; он был, вероятно, у Максимиана префектом претория.

² Кураторы — лица, которым принадлежит главный надзор за финансами города; стратеги — общее обозначение городских властей на Востоке; начальники кварталов — старшины, обязанные наблюдать за порядком в своем квартале.

³ «Феотеки» значит «дитя Божие».

⁴ Храм Зевса Дружественного был в Дафне, предместье Антиохии.

⁵ Сохранился текст такого прошения Максиминоу от провинциального собрания Ликии и Памфилии.

⁶ Мы знаем об этих «Акта» только то, что говорит Евсевий. Личность Пилата с раннего времени обросла легендами.

⁷ Диоклитian разделил провинцию Финикию на две части: «Финикию у Ливана» и «Финикию Приморскую». Дамаск находился в первой; это был важный торговый центр.

⁸ О голоде говорит и Лактанций, о чуме и войне с армянами — только один Евсевий.

⁹ О достойном поведении христиан говорит в своем трактате «*De mortalitate*» и св. Киприан. Евсевий подражал Иосифу Флавию в описании голода.

¹⁰ Константин разбил войска Максентия сначала под Турином, потом под Бресчней.

¹¹ Битва произошла 26 октября 312 г. около Мульвиенева моста на Фламиниевой дороге.

¹² «Чтобы в 313 г. на римском Форуме была поставлена статуя, изображавшая открыто императора христианином, — это невероятно» (*J. R. Palanque. Histoire de l'Eglise, t. III*).

¹³ Максимин не осмелелся прийти на помощь Максентию, но он отнюдь не искал дружбы своих соправителей, а замышлял войну против них.

¹⁴ Солдаты, несшие обязанность полицейских.

¹⁵ Константин и Лициний.

¹⁶ Лициний разбил Максимиана 30 апреля 313 г.

¹⁷ Он отравился.

¹⁸ Это чиновники низшего ранга, подчиненные более крупным.

¹⁹ Смерть Максимиана напоминает смерть Ирода. Рассказ Лактанция позволяет думать о *delirium tremens*, но он определенно говорит о яде.

²⁰ О Певкетии ничего не известно; в списках консулов его нет. Кулькнан был префектом Египта с 303 по 305 г. (*H. Delehaye. Les martyrs d'Egypte*).

К книге десятой

¹ Биография Павлина известна мало. Он был сначала священником в Антиохии, затем стал епископом в Тире и оттуда опять был переведен в Антиохию, где вскоре и умер.

² Евсевий разумеет себя.

³ Клирики, следовательно, в это время уже носили особую одежду.

⁴ Намек на распоряжение всем совершать жертвоприношение перед кумирами языческих богов.

⁵ Намек на учение о восхождении души к небесной обители после смерти. Учение это — восточного происхождения, распространилось в Греции, а затем по всей Римской империи: души спускаются с неба, проходя сферы семи планет. После смерти они возвращаются тем же путем на небо, но только в том случае, если знают пароль, который заставляет стража каждой планеты открыть дверь и пропустить душу, поднимавшуюся в эфирное пространство «восьмого неба».

⁶ Константин и Лициний.

⁷ Епископ Павлин.

⁸ Описание Евсевия археологи изучали и комментировали. Следует, однако, помнить, что в этом описании Евсевий — прежде всего ритор, для которого звучность фразы ценилась выше точности описания.

⁹ Дальше Евсевий объясняет символику храма: каждая из его частей представляет собой известную категорию душ; трудно, однако, в точности объяснить подробности этой символики.

¹⁰ Т. е. священникам.

¹¹ Церковь, видимо, богата: ей принадлежат не только кладбища, где обычно христиане и собирались, но поля, сады, дома, где живет клир.

¹² Это — текст документа, обычно называемого Миланским эдиктом и обнаруженного в Милане. Все на самом деле обстоит иначе. Эдикт этот был обнаружен в июне 313 г. Лицинием в Никомидии; латинский текст его — у Лактанция в его сочинении «Смерть преследователей». Легенда о «Миланском эдикте» возникла, когда текст Лактанция был неизвестен; его опубликовали только в конце XVII в. Евсевий, кончавший свою книгу после победы Константина над Лицинием в 324 г., приписал Константину все, сделанное Лицинием (см.: *H. Grégoire. Les persécutions dans l'Empire Romain. Bruxelles, 1964*).

¹³ Анулин был проконсулом Африки.

¹⁴ Православная Церковь подчеркнуто выделена.

¹⁵ Это письмо и следующее касаются спора с донатистами, не желавшими признавать епископа Цецилиана, потому что он был рукоположен епископом Феликсом, который, по мнению донатистов, изменил Церкви во время гонений. Для разрешения спора противники обратились к императору Константину, созвавшему для разбора дела три Собора: в Риме, Карфагене и в Арелате. На всех трех Цецилиан и Феликс были оправданы.

¹⁶ Мильтиад был Римским епископом в 311—314 годах. Марк — лицо неизвестное.

¹⁷ Ретиций — епископ в Отёне, Матерн — в Кельне, Марин — в Арелате.

¹⁸ Оно было вынесено 2 октября 313 г. в Риме; к трем галльским епископам, упомянутым в письме к Мильтиаду, присоединились пятнадцать итальянских. Председательствовал Мильтиад.

¹⁹ О государственной почте см.: *D. Gorge. Les voyages, l'hospitalité et le port des Cettres dans le monde chrétien des IV-e et V-e siècles. Paris, 1925*.

²⁰ Т. е. двух пресвитеров.

²¹ «Follis» значит «мешок». Так называлась бронзовая посеребренная монета, выпущенная Диоклитяном.

²² Епископ города Кордовы (Испания), советник Константина по церковным делам; пользовался большим авторитетом, был участником Никейского Собора в 325 г.

²³ Гераклид ведал частной казной императора.

²⁴ Вот некоторые из этих повинностей: опека, участие в посольствах, исправление муниципальных должностей, постой, заседание в судах и пр.

²⁵ Евсевий не особенно заботился о верной передаче фактов. Лициний получил «власть распоряжаться» отнюдь не от Константина: он был провозглашен Августом 11 ноября 307 г. после свидания с Диоклитяном; разрыв между Лицинием и Константином едва не произошел в 314 г., но окончательно отношения испортились в 320 г.

Война началась в 323 г. и окончилась в 324 г., после двух блистательных побед Константина. Лициний был сослан в Фессалоники и убит в 325 г.

²⁶ Вопреки всем этимологиям, Евсевий производит имя Ликиния от «lykos» — «волк».

²⁷ Лициний казнил многих чиновников враждебных христианам, но, вероятно, не за «нечестие», а за их верность Максимиனு.

²⁸ Лициний умер 60-ти лет от роду, дряхлым стариком он не был.

²⁹ Наиболее известны 40 мучеников Севастийских (Армения).

СЛОВНИК К «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» ЕВСЕВИЯ ПАМФИЛА

Аристон из Пеллы. Оставил Историю войны римлян с Баркохбой (132 г. по Р. Х.); по словам св. Максима Исповедника (VII в.), автор диалога «Спор Язона и Паписка»: еврей и христианин (точнее, еврей, но крещенный) спорят о христианстве.

Африкан (Секст Юлий). Ливиец родом, был военным, служил в армии Септимия Севера. Один из образованнейших людей своего времени. Главный труд его — «Хронография», в которой он дает хронологическую сводку событий мировой истории от сотворения мира до 221 г. Его пользовались Евсевий и другие церковные писатели; византийские хронографы обязаны ему лучшим, что у них есть. От этой работы Африкана сохранились только отрывки. Другое его сочинение «Κεστοί» утеряно вовсе; это был сборник самого разнообразного содержания.

Гай. Клирик и церковный писатель начала III в. по Р. Х.; в своих «Изысканиях» изложил суть ереси Керинфа; оспаривал в «Диалоге против Прокла» ересь монтанистов; считал, что Послание к евреям написано не апостолом Павлом.

Дионисий, епископ Александрийский, святой. Родился в богатой языческой семье, получил превосходное образование; убедившись в истине христианства, крестился, стал учеником Оригена, скоро возведен в священнический, а затем и в епископский сан. С 232 г. стоял во главе Александрийского огласительного училища. Так же, как и Климент, был убежден в необходимости изучения языческой науки и философии и в полной возможности согласовать ее с верой (ὑψωτικὴ πύλις). Из сочинений Дионисия дошли лишь отрывки, иногда, правда, большие. Часть из них — по-видимому, лекции, читанные им в училище. Сюда относятся: 1) «О природе» — критика атомистических теорий Демокрита и Эпикура (отрывки у Евсевия и св. Иоанна Дамаскина); 2) «Против Савелия» — опровержение дуализма и учения о вечности материи (отрывки у Евсевия); 3) сочинения экзегетические: толкования книги Екклесиаста (сохранилось объяснение первых трех глав), всех четырех Евангелий, Послания к Римлянам, 1-го к Коринфянам, книги Иова (большие отрывки у поздних церковных писателей).

Дионисий написал много сочинений против современных ему ересей и расколов. Сюда относятся: 1) «Против Новатиана». Новатиан — священник в Риме, незаурядный по уму и блестяще образованный, утверждал, что «падшие» (lapsi), т. е. отрешившиеся от христианства во время гонения, прощенные Богом не будут, как бы они ни каились. К нему примкнули многие, образовался раскол. Дионисий дружески убеждал Новатиана (называя его «братом») вернуться в Церковь и вернуть в нее ему последовавших; 2) «Об обетованиях» (περὶ ἑλαγγελειῶν) (сохранились небольшие отрывки) — обличение Непота, епископа Арсиноийского (в Египте), который, толкуя Апокалипсис (20, 2—6), учил о наступлении на земле тысячелетнего царства; «нашим братьям, которые попроше, нечего думать ни о славном и воинственном явлении Господа нашего... они убеждают рассчитывать в Царствии Божием на мелкое, тленное» (Церковная история Евсевия Памфила, VII, 24). Дионисий приехал в Арсиноэ и в длительном обсуждении учения Непота («я заседал с ними три дня подряд с восхода до заката») убедил слушателей в заблуждении Непота. Рассказ об этом диспуте ярко рисует самого Дионисия: его умственную честность, уважение к противнику, полное отсутствие полемического задора, желание привести противника к уразумению истины ради его же блага.

В это время шел горячий спор о том, надо ли перекрещивать еретиков, возвращающихся в Церковь. Климент Александрийский, св. Киприан, епископ Карфагенский, и некоторые поместные Соборы наставляли на перекрещивании; в Риме требовали только покаяния, а затем совершали миропомазание. Дионисий решительно отвергал перекрещивание еретиков, крещенных во имя Святой Троицы. Это мнение принято и Первым Вселенским Собором.

Важное значение имеет полемика Дионисия с еретиками Савелием и Павлом Самосатским. Первый учил о едином Лице Божества, второй не признавал Христа Сыном Божиим. Изложение посланий Дионисия против Савелия содержится в сочинении Афанасия Великого «О мнениях Дионисия». Против Павла в 264 г. был созван в Антиохии Собор, на который пригласили и Дионисия, но по болезни и старости он приехать не смог, а прислал письменное изобличение Павла, отрывки которого сохранились.

Дионисий принимал живейшее участие в жизни Церкви, о чем свидетельствует его оживленная переписка со многими епископами. Письма эти были одним из главных исторических источников Евсевия. Особую группу в них составляют так называемые «пасхальные послания»: Александрия была центром астрономической учености того времени, и Александрийский епископ определял время празднования Пасхи для всей Церкви.

Жил Дионисий в тяжелые времена для христиан вообще (гонение Валериана), и в частности, для Александрии (междоусобная война, голод, засуха, чума). Для всех у него находились утешение и помощь. Это был действительно «пастырь добрый». Во время голода он покупал хлеб и раздавал его всем — и христианам, и язычникам.

Его описание города во время убоицы (Церковная история Евсевия Памфила, VII, 21, 2—10) дает живое представление о том, каким блестящим писателем он был.

В IV в. Церковь усвоила ему имя «Великого»; Афанасий Великий называл его «учителем вселенной».

См. о нем: Д. Дмитриевский. Александрийская школа. Казань, 1884; В. Ф. Певницкий. Сотрудники Оригена («ТКДА», 1883); Н. И. Барсов. История первобытной проповеди. М., 1885.

Егзипп (II в. по Р. Х.). Родом еврей; принял христианство, находился в сношениях со многими епископами; сочинением его «Памятка о делах церковных» в пяти книгах (πεντε βιβλία τῶν ἐκκλησιαστικῶν πράξεων) неоднократно пользовался Евсевий, отмечивший простой язык и стиль автора. Английский ученый Лаудор (Lawlor) считает, что «Памятка» — это апология христианства с историческими экскурсами.

Ириней Лионский, святой. Уроженец Смирны, слушавший св. Поликарпа, ученика апостольского, прибыл в Галлию около середины II в., там принял священство и с 177 г. был епископом Лионским. Выучил кельтский язык, на котором и общался с местным населением, но писал по-гречески. Сочинения св. Иринья чрезвычайно важны для истории христианских догматов. Из них известны: «Послание к Флорину о единоначалии, или о том, что Бог не есть виновник зла»; «О восьмерице» — о первых восьми зонах, которые гностик Валентин признавал источником всего сущего; «Послание к папе Виктору» относительно ереси валентиниан; к нему же «О времени празднования Пасхи»; «Против эллинов»; «О познании»; «Изложение проповеди апостольской» (о главных пунктах христианской веры); «Книга разных рассуждений». Все эти сочинения утеряны; сохранились лишь упоминания о них и отрывки из них у разных церковных писателей. Целком сохранились «Против ересей пять книг» не в греческом, правда, подлиннике, но в древнем латинском переводе, который знал еще Тертуллиан. Издано впервые Эразмом Роттердамским в 1526 г. О св. Иринее см.: А. М. Иवानов-Платонов. Ереси трех первых веков христианства. М., 1885.

Климент Александрийский. Один из знаменитейших христианских ученых первых веков († около 217 г.). Родился язычником, хорошо знал греческую философию, высоко ценил Платона и стоиков и до обращения в христианство был посвящен в языческие мистерии. В поисках истины стал изучать иудейство и христианство; убежденный в истине последнего, крестился; был в 190 г. избран начальником Александрийского огласительного училища, этого первого христианского университета. Во время гонения Септимия Севера переселился в Каппадокию; возвратился ли в Александрию — неизвестно.

Климент стремился примирить веру и знание, религию и науку. Вопреки Тертуллиану, Лактанцию и прочим, объявлявшим науку дьявольским измышлением, от которого христианин должен держаться подальше, Климент заявляет, что нет веры без знания и знания без веры. Гармония между ними достигается изучением наук, преподававшихся в языческих школах и введенных им в программу огласительного училища: грамматики (истории литературы), риторики, арифметики, геометрии, астрономии, музыки (теории музыки) и особенно диалектики. Все эти науки — лишь ступени к высшему знанию, философии, а она помогает вере, приближая ее к разумению. «Жизнь истинно христианская есть система действий разумных».

Климент был блестящим апологетом и полемистом: его опровержение иудейства и язычества настолько сильно, что позднейшие писатели только варьируют его доводы.

Климент считал, что часть христианских истин содержалась в языке, как плод в скорлупе; языческая философия и Евангелие как бы «две ветви одного дерева». В трех сочинениях, образующих как бы трилогию: «Увещании к язычникам», «Строматах» («Коврах») и «Педагоге», он рассматривает отношение христианства к язычеству и философии. Особенно интересен его «Педагог» — яркая картина греко-римского быта его времени. Климент подробно говорит о мебели, пище, посуде, одежде, об украшениях и драгоценностях, о прическах; это — первый христианский «Домострой».

Для истории социологических идей христианства важно сочинение Климента «Какой богач спасется?». Христианство не требует отречения от богатства, а лишь общепользующего его употребления. Пристрастие к богатству — духовный недуг.

О Клименте см.: Д. Дмитриевский. Александрийская школа. Казань. 1884; И. Ливанов. Климент Александрийский и его сочинения.— «Православное обозрение», 1867 г.; Н. И. Барсов. История первобытной христианской проповеди. М., 1890.

Папий, епископ Иерапольский, святой (примерно конец I в.—середина II в.). Св. Иринеи пишет, что он вместе со св. Поликарпом, епископом Смирнским, был учеником евангелиста Иоанна. Но сам Папий говорит, что он только собирал сведения о словах апостольских у тех, кто непосредственно их слушал (Церковная история Евсевия Памфила, III, 29, 3—4). Написал в пяти книгах «Объяснение слов Христовых»; утеряно.

Филон Александрийский (родился около 30 г. до Р. Х., умер в первой половине I в. по Р. Х.). Яркий представитель еврейского эллинизма, центром которого была Александрия. Источником греческой философии он, как и другие еврей-эллинисты, считал Ветхий Завет; Платон, по его мнению,—ученик Моисея, но все Писание есть аллегория, и задача истолкователя — раскрыть духовный смысл, скрытый в этой аллегории. Наиболее значительные работы Филона и являются комментариями на Священное Писание (главным образом, на книгу Бытия). Наиболее интересно его систематическое описание Моисеева закона в сочинениях: 1) о сотворении мира; 2) «Неписанные законы»; 3) об Аврааме; 4) об Иосифе (Πολιτικός) (Филон считал Иосифа образцом государственного деятеля); 5) о десяти заповедях; 6) об особых законах, касающихся пищи, постов и прочего.
